

ИЛЬЯ МОР

ГЛАВА
ПЕРВАЯ

НЕБЕСА НЕНАВИДЯТ
НАС ВСЕХ

ПЛОХОЙ
ЧЕЛОВЕК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илья Мор

Плохой человек. Часть 1.

Небеса ненавидят нас всех

<https://litres.ru/74268517>

SelfPub; 2026

Аннотация

Никому не дано пройти через жизнь без ран. Всегда что-то случается. Всегда есть невидимый рок судьбы. Всегда кто-то виноват. И жернова империи всегда готовы перемолоть очередную жертву. Так было, есть и будет.

Достаточно одного неудачного дня, чтобы изменить ход истории мира и человека.

Для Ито-Белова он наступил. А значит пора меняться. Добрый мальчик должен остаться позади, чтобы ему на смену пришел кто-то другой. Злее, сильнее и безжалостнее. Тот, кто способен отомстить.

Содержание

Оливия Стард	4
Глава 1	42
Глава 2	76
Глава 3	93
Глава 4	107
Глава 5	121
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Илья Мор

Плохой человек. Часть 1.

Небеса ненавидят нас всех

Оливия Стард

Через тридцать лет после основных событий.

– Войдите – прозвучал слегка хриплый мужской голос из-за массивной дубовой двери.

Оливия подождала секунду, а после потянула за кованную металлическую ручку. Дверь беззвучно открылась, впуская гостью внутрь.

– Здравствуй, отец. Вызывал?

– Да – ответил мужчина слегка за пятьдесят, не отрываясь от документов и указал рукой на кресло – Присаживайся, я сейчас закончу.

Девушка улыбнулась своим мыслям и с удовольствием разместилась в глубоком кожаном кресле. Пожалуй, это был самый любимый предмет интерьера в доме, который Оливия ценила не за качество исполнения или функциональность, а за воспоминания с ним связанные.

Все-таки именно в этом кресле она провела в объятиях

отца большую часть детства. В нем он рассказывал ей сказки, шутливо ругал за проказы и описывал величие клана, главой которого является. Собственно, в этом же кресле она и узнала новость, что следующей главой клана предстоит быть ей.

Уже шесть лет прошло, а тот момент помнит, будто это случилось только вчера.

В остальном же кабинет ни капельки не изменился с последнего её посещения.

Тёмные панели и кессонный потолок хранят атмосферу сдержанной роскоши и загадочности. В центре массивный стол с зелёным бархатом и разбросанными бумагами. Рядом уютная настольная лампа. У камина кожаные кресла в тон бархату, а над ним полка с фотографиями всей семьи Стард.

Здесь время будто замирает. Этот кабинет отлично отражает характер владельца: сдержанный, пронизательный, но с внутренним огнём.

Именно так Оливия воспринимала отца, когда тот был занят работой. И совсем не важно, что через какой-то час тот мог сидеть в гостиной и потягивать пиво из заледеневшего бокала, изредка прерываясь для крика на телевизор. Футбол никогда не оставлял его равнодушным. Всегда все заканчивается либо слезами радости, либо пультом, торчащим из экрана.

Такой уж он человек. Генри Стард. На людях жесткий и подчас жестокий глава клана, в кабинете вдумчивый и расчетливый предприниматель, в гостиной типичный футболь-

ный фанат, а в остальное время просто папа. Обычный отец, который любит свою семью и готов уберечь ее от всего на свете.

За всеми этими мыслями она совсем не заметила, что сидит у камина уже далеко не в одиночестве. Генри расположился напротив и с улыбкой смотрел на Оливию.

– Здравствуй, дочка – широко и заразительно улыбнулся он.

– Здравствуй, пап – не смогла удержаться от ответной улыбки Оливия – Как у тебя дела? Мама мучает очередной диетой?

На это он горестно вздохнул и откинулся на спинку кресла.

– Лучше даже не вспоминай – отмахнулся он – У нас полный штат поваров, а в итоге все равно питаемся одним сельдереем. Хорошо хоть твой брат вовремя подсуетился и свинтил в академию. Так что весь удар я взял на себя – хохотнул Генри.

– Эндрю всегда был смышлёным – пожала плечами девушка.

– Ага. И при этом совершенно финансово безграмотным – посетовал отец.

Оливия полувопросительно и с легкой ноткой осуждения приподняла бровь.

– Не думала, что наша светская беседа так быстро скатится к жалобам на Эндрю. А как же обсудить погоду или там

цену на мана-кристаллы?

– Ну уж прости мне мое старческое брюзжание – слегка улыбнувшись он развел руками – Возраст берет свое.

– Угу, угу. Охотно верю.

– Ну а если тебя и правда интересует наши дела – пропустил он мимо ушей реплику дочери – То у нас с твоей мамой все нормально. Работаем, отдыхаем и иногда даже выбираемся из сектора. Окультуриться, так сказать.

– Уже не плохо.

– Тоже так считаю – кивнул он – А ты как? Как дела на периферии? – уже более серьезным голосом спросил он.

Торопиться с ответом Оливия не стала. По науке отца сначала собрала все информацию в кучу, отфильтровала важное, затем то, что может заинтересовать собеседника и только потом начала говорить.

– Фронт стабилен. За месяц, что мой легион там развернут, мы смогли отбросить Инсов на сорок километров от барьера, наладили логистику и в целом укрепили оборону. Снарядного голода нет и не предвидится, так как не поленилась заскочить к нашим производственникам и пошептаться с глазу на глаз. Боевые потери минимальны. В пределах двух процентов от состава за полугодие в текущем режиме. Если так продолжится и дальше, то с кадровым резервом у нас проблем не будет. А что касается меня лично, то ты и сам все знаешь. Твои глаза следуют за мной по пятам, где бы я ни была – улыбнулась Оливия на последних словах.

– Это его работа – пожал мужчина плечами – И Вальд делает ее хорошо.

– Кто бы спорил. Главное, чтобы он не переусердствовал и не начал приглядывать за мной со дна унитаза. А то не ровен час наср...

– Дочь! Что за выражения – нахмурился отец.

– Прости – повинилась она – Сам понимаешь. Целый месяц в обществе клановых бойцов точно не пошел на пользу манерам юной леди – не скрывая едкой усмешки добавила Оливия.

– Знаю – хохотнул он – Сам такой. Ладно. Это все, конечно, хорошо, но у нас есть еще дела. Точнее дело.

– То, из-за которого ты выдернул меня с фронта?

– Оно самое – на этих словах он как-то странно нахмурился – В общем, не буду ходить вокруг да около. Сегодня у тебя назначена встреча с императором.

– Что? – ошарашенно переспросила девушка.

– Ты не ослышалась. Через четыре часа за тобой приедет машина и отвезет в имперский сектор, а оттуда напрямик во дворец.

В этот момент в голове молодой девушки начали панически роиться мысли, пытаясь построить хоть сколько-то возможную модель вероятного будущего. Все-таки не каждый день император приглашает к себе в гости.

По правде говоря, это событие настолько редкое, что у Оливии не было никаких вменяемых вариантов для ее на-

хождения подле правителя Осмара.

Сначала были отброшены все глупые теории, где она может рассматриваться как невеста, наложница и прочие связанные с половой принадлежностью. Политико-социальное устройство империи таково, что у доярки выдернутой прямо из-под коровы больше шансов стать императрицей, чем у кого-то из клановых.

Следующими на выброс отправились все версии, связанные с ее положением в клане и будущим наследованием главенства. Императору банально неинтересна клановая возня. Подле него самого такой серпентарий, что соваться в клановые взаимоотношения значит заработать гарантированный геморрой.

Таким образом из всех значимых аспектов жизни у Оливии осталась только ее личная сила. Следовательно, визит к императору будет как-то связан с ее способностями. И это вполне оправдано. В свои двадцать шесть лет она входила в десятку сильнейших магов империи. Во всяком случае в плане магического потенциала.

Впрочем, зачем гадать, если рядом с ней сидит главный источник информации.

– Зачем я понадобилась императору?

– У него есть для тебя предложение – после небольшой паузы ответил отец – Хотя вернее будет сказать, что у него для тебя есть работа.

– Работа? – удивилась девушка.

– Да – кивнул Генри – Всех деталей я не знаю, но уверен, что работа предстоит очень непростая.

– Почему ты так решил?

– Из-за оплаты – пояснил мужчина – Если ты возьмёшься за работу и выполнишь её, то наш клан будет навсегда и полностью освобожден от всех налогов на занятых территориях. И это только то, что полагается клану. Для тебя предусмотрена отдельная плата.

– Фью – простецки присвистнула Оливия – Не припомню, чтобы потомки Меркурия разбрасывались такими льготами.

– И не ты одна – согласно кивнул отец.

– Полагаю о полной автономии речи не идет?

– Разумеется. Император не допустит образования у себя под боком нового государства. Придется обновить вассальную клятву.

– Ясно – после недолгих раздумий произнесла девушка – Есть предположения о том какого рода предстоит работа?

– Никаких – развел руками Генри, но потом быстро поправился – Однако, есть информация, что мы далеко не первые к кому император обратился с подобным предложением.

– Другие кланы?

– Да – кивнул он – Стражи, Техноархи, Мастера, Охотники и Светлячки. Как ты уже могла понять, тот факт, что предложение поступило к нам, свидетельствует об их провале.

– Или о том, что они просто отказались от столь щедрого

предложения императора.

– Или так – согласился отец – Но это маловероятно. Ни один глава клана не откажется от освобождения от налогов на своей территории.

– Согласна – задумчиво проговорила Оливия – Думаешь работа с подвохом?

– Практически уверен. Император не стал бы ослаблять поводок, если бы ему не было что-то нужно. И, судя по всему, ему это «что-то» нужно очень срочно и очень сильно. В противном случае поручил бы дело своим прихлебателям. Благо таких при дворе всегда с избытком.

– Рекомендации?

– Прости, дочь. Тут придется думать самой. Я не стану настаивать на твоём участии. Смотри по ситуации. Ты мне важнее, чем налоги.

– Спасибо – искренне поблагодарила Оливия.

– Не за что – улыбнулся отец – Перед отъездом зайти к матери. Она по тебе очень соскучилась.

Задерживаться дальше смысла не было. Оливия уже давно научилась распознавать в речи отца скрытые намеки. Поэтому, поднявшись с кресла, чмокнула папу в щеку и направилась к выходу. Однако, у самой двери остановилась и посмотрела на отца.

– Как думаешь, чего стоит ждать от разговора с императором?

– Ничего хорошего, дочь. Боюсь время слабых людей по-

дошло к концу – услышав эти слова Оливия сразу же вспомнила любимую отцовскую присказку. Мол плохие времена порождают сильных людей, сильные люди порождают хорошие времена, а хорошие времена слабых людей. И все это для того, чтобы замкнуть чертов круг бесконечного роста и упадка. Впрочем, забивать себе этим голову ей сейчас не хотелось. Она машинально кивнула и покинула кабинет.

Уже стоя в коридоре, девушка моментально скинула с ног туфли и стремглав понеслась в женскую половину имения к своей матери.

Мало кто мог себе представить, что столь величественная девушка как Оливия, дочь главы клана Железного Кулака, Гладиус шестого ударного легиона и та, кого в народе прозвали Стальной Цепью, может бегать по коридорам, как маленькая девчонка. Однако, жизнь любит иногда подбрасывать столь интересные картинки для стороннего наблюдателя. Даже если это несущаяся сломя голову двухметровая каланча.

Одной жалкой минуты Оливии хватило, чтобы добраться до кабинета матери и без всякого разрешения ввалиться внутрь, а уже через секунду счастливо сжимать в объятиях самого дорого человека на свете. А что еще приятнее, так это то, что её сжимают в ответ.

Следующий час Оливия провела в сбивчивых рассказах о прошедшем месяце службы за периметром Осмара. В то же время ее мама, Инна Стард, внимательно слушала дочь и

иногда обеспокоенно вздыхала, когда та подходила к наиболее кровавым частям своих историй.

Так было всегда. Ведь в отличие от Оливии ее мать не стала связывать свою жизнь с военной службой. Хотя и такой опыт у нее имелся. Вместо этого она посветила всю себя служению клану и потому истории дочери всегда слушала с затаенной тревогой. Что не удивительно. Мама – всегда мама.

Когда подошло время отправляться на встречу с императором Оливия была зацелована с головы до ног, а серебряные волосы расчесаны до идеального состояния. Поэтому войдя в свою комнату она только переделалась в официальную форму клана, надела парадный китель и поспешила к ожидающей ее машине.

Выйдя на порог главного входа, она к своему удивлению обнаружила не стандартный лимузин, который обычно доставляет гостей императора во дворец, а довольно непримечательный фургон бизнес класса и молодого мужчину, стоявшего у открытой двери.

– Оливия Страд, полагаю? – получив короткий, по-военному четкий, кивок от девушки он продолжил – Меня зовут Маркус и я буду вашим водителем сегодня. Прошу – он указал рукой внутрь салона.

– Благодарю – ответила Оливия и кивнула охранникам, стоящим у входа в поместье. После чего забралась в машину, кинув прощальный взгляд на отчий дом. Никогда не угадаешь какой из визитов к родным может стать последним. Тем

более, если тебя вызывают на ковер к императору.

Через секунду дверь мягко закрылась, слегка жужжа электроприводом. А еще через мгновение послышался второй хлопок двери со стороны водительского сидения. Машина тут же мягко тронулась с места, как и перегородка, отделяющая водителя от пассажира.

– Госпожа. Простите что отвлекаю, но я обязан вас проинструктировать.

– О чем именно? – поинтересовалась девушка.

– О том, что вам запрещено покидать транспорт после того, как мы покинем сектор вашего клана и попадем на имперские земли. Без специального разрешения, разумеется.

– Можете не утруждаться – улыбнулась она довольно смазливому пареньку, чье лицо видела в отражении зеркала заднего вида – Я прекрасна знакома с уложением о разделении имперских и вассальных земель. Так что выпрыгивать на ходу не стану – с легким смешком закончила она.

– Прошу прощения. Таков протокол.

– Ничего страшного. Я понимаю – к этому моменту машина подъехала к первому блокпосту охраны и ее тут же пропустили дальше, после сверки номерных знаков и документов водителя. Все же будь ты хоть трижды из императорского автопарка, порядок у клановых для всех один.

Стоило только фургону покинуть территорию имения, как с обочины выскочил десяток броневинов с символикой имперской гвардии. Они тут же окружили машину, образуя

конвой, в котором совершенно не нашлось места для клановой охраны. Ведь по законам империи ни один клановый боец, при исполнении, не может находиться на имперской земле без дозволения императора.

Да и толку от этой охраны все равно не было никакого. Оливия уже давно выросла из того нежного возраста, когда ей нужен был защитник. Сейчас она сама способна справиться с любым противником равным себе по силе или уступающим в ранге. Горнило войны с Инсами закалило ее достаточно, чтобы не переживать за свою жизнь. Поэтому в данный момент она просто любовалась пейзажами за окном.

И так бы продолжалось дальше, если бы через сорок минут территория сектора ее клана не кончилась. Машина подъехала к шлюзу в сорокаметровой в высоту стене, ведущему на имперские земли. В тот же миг окна стали совершенно не прозрачными, а перегородка, отделяющая ее от водителя, плавно поднялась.

Вот и все. Весь следующий час ей придется ехать на встречу с императором в совершенно непроницаемой для света капсуле. Ибо клановым строжайше запрещено владеть знаниями о том, как устроена жизнь, быт и производства на имперских землях.

Все благодаря очень старому, параноидальному, но все еще действующему закону. *Imperium separatim, familiae separatim*. По нему кланы, подписавшие вассальные клятвы, получают практически полную автономию на своих землях.

В противовес этому они должны только платить налоги, защищать империю от внешнего врага и не лезть в ее дела любым из возможных способов. Это если очень сильно упростить.

На деле все несколько сложнее, но суть одна. Будешь совать нос в дела империи и очень быстро обнаружишь легионы императора под своими окнами.

Конечно, если ты просто подглядываешь в щелочку за жизнью империи по эту сторону стены, никто не станет отправлять по твою душу войска. А вот если тайная канцелярия заподозрит в твоём интересе недобрые намерения, то тогда церемониться не станут. Император очень трепетно относится к своей власти и тем, кто на нее посягает.

Откинувшись в кресле, Оливия начала продумывать ход предстоящей беседы.

То, что разговор будет очень непростым она была уверена на сто процентов. С императором вообще таких не бывает. Впрочем, если он расщедрился на такую награду, то работенка ей предстоит беспрецедентная по своей сложности.

И чем дольше она об этом думала, тем сильнее понимала, что так или иначе её задание будет связано с вторжением Инсов. Ведь за все время существования империи, с момента колонизации планеты и до сегодняшних дней, у нее не было более серьезных угроз для существования, чем прибытие этих тварей.

Всего каких-то шесть лет назад, когда Оливия толь-

ко-только заканчивала клановую академию, мирная жизнь империи прекратилась буквально в одночасье. Пять крупнейших и еще три десятка более мелких городов, которые смогло основать человечество на этой не дружелюбной планете, были атакованы неизвестными существами.

Никто не знает откуда они пришли. Никто не знает, чего они хотят и какие цели преследуют. И самое главное, никто не знает, как с ними сражаться. Во всяком случае, так было в тот день.

Они просто появились из ниоткуда и стали нападать на все человеческие поселения, что им встречались на пути. В чем преуспевали с чудовищной эффективностью. Ведь размягшие за сотни лет мира люди были совершенно не готовы к противостоянию с таким противником.

Огнестрельное оружие не могло пробить твердую хитиновую броню тварей, а невеликие магические силы, дарованные артефактами предтеч, смогли лишь помочь людям затормозить продвижение врага, но отнюдь не остановить и уж тем более не отбросить того назад.

Следующие шесть лет кровопролитных боев и миллионы потраченных артиллеристских снарядов показали полную несостоятельность человечества в качестве боевой единицы. Все на что мы оказались способны - хрупкое равновесие на линии соприкосновения. И то, даже этим, как была убеждена Оливия, они были обязаны не своему военному мастерству, а необъяснимому нежеланию противника про-

должать натиск.

Ведь она была там. В тот день. Была в первой линии. Сдерживала со своим легионом тварей рвущихся в Осмар. И видела, как легко те способны преодолевать любое сопротивление людей. И это оставило на ее сердце такой рубец, который не затянет никакое время.

Два месяца непрекращающейся бойни забрали жизни более половины всего населения империи. Четыреста одиннадцать миллионов человек из восьмиста трех закончили свой путь в этом мире. Все мелкие города были уничтожены, а население остальных было вынуждено эвакуироваться в столицу. Про мелкие деревушки и удаленные производства и говорить нечего. Спасшихся оттуда были единицы.

Тот момент в истории империи иначе как концом света и не назовешь. Так что, если и есть причина для таких невероятных послаблений со стороны императора, то она непременно будет связана с вторжением Инсов. Других причин быть просто не может.

За всеми этими размышлениями Оливия потеряла счет времени, а пришла в себя только в момент, когда машина начала замедляться. Сверившись с коммуникатором, она убедилась, что с момента затемнения окон салона прошло уже чуть больше часа. Следовательно, они прибыли на место.

Внезапно открывшаяся дверь убедила ее в этом предположении. Вот только вместо уже знакомого лица водителя, с другой стороны, она увидела нового человека. Это был немо-

лодой мужчина лет пятидесяти, с ухоженной бородой, цепкими серыми глазами и невероятно прямой осанкой. А еще, вместо привычной формы императорских слуг, он был одет в классический костюм тройку.

Оливия хоть и не знала этого человека лично, сразу же догадалась кто он такой. Все-таки не зря отец полоскал ей мозги на тему придворного этикета и главных действующих лиц империи. Так что опознать личного секретаря Его Императорского Величества, смогла без особых проблем.

– Как добрались, госпожа Стард? – с улыбкой поинтересовался мужчина, протягивая ей руку и помогая выбраться наружу – Надеюсь Маркус не надоедал вам своими разговорами. Он у нас не очень уважает протокол.

– Не беспокойтесь, Вениамин Викторович – с вежливой улыбкой ответила она – За весь путь мы перекинулись лишь парочкой фраз.

В этот момент она как раз выбралась из машины и встала рядом с секретарем императора, что сделало ситуацию несколько комичной. Ведь теперь она возвышалась над мужчиной на полторы головы и тому приходилось задирать подбородок к небу, чтобы смотреть собеседнице в глаза.

Все-таки двести десять сантиметров роста. И это без каблучков.

Для светской львицы подобное могло бы стать проблемой, но Оливия слеплена из другого теста. Ей милее рубится с монстрами в первой линии, чем фланировать по бальным за-

лам и вызывать волнение в штанах у сильных мира сего. Потому нет ничего удивительного в том, что чужой дискомфорт от своего роста она попросту игнорировала.

Да что уж там. Она даже на прием к императору оделась в клановую форму и парадный китель, а не в платье, как того требовал этикет. А вместо изящных туфель, её ноги туго обтягивали стандартные армейские берцы. Хотя сейчас на смотр отправляй.

Впрочем, личному секретарю императора был абсолютно безразличен внешний вид их гости. Ведь предстоящая встреча планируется быть полностью закрытой. Поэтому он просто кивнул гвардейцам и те немедленно приступили к проверке Оливии на предмет наличия оружия или прочего.

– Прошу прощения, но я вынужден попросить вас пройти проверку безопасности и надеть вот эти браслеты – учтиво отозвался Вениамин Викторович.

– Ничего страшного. Я все понимаю – спокойно согласилась Оливия, расставила ноги на ширине плеч, а руки в стороны. Через минуту гвардейцы императора просветили ее всеми возможными способами и утвердительно кивнули секретарю.

– Прошу – он протянул девушке два небольших браслета.

– Блокируют ток маны? – с интересом спросила Оливия. Все-таки артефакты способные хоть как-то повлиять на способность человека взаимодействовать с реальностью через мировую энергию, встречались крайне редко.

– Не совсем – улыбнулся мужчина – Скорее затрудняют на не очень продолжительное время. Все настоящие блокираторы стационарные и размещены в спец. тюрьме «Черная яма». Так что вам не о чем переживать. Это лишь мера предосторожности.

– Да, конечно – смутилась Оливия – Простите что спрашиваю, но разве вы должны были это рассказывать? Я все-таки клановая.

– Не беспокойтесь. Сегодня вы узнаете много такого, о чем клановые не должны знать. И поэтому подпишите договор о неразглашении – на этих словах он будто по волшебству достал из-за спины папку и вручил ее девушке на изучение.

Оливия от такой возможности отказываться не стала и внимательно изучила текст договора. Он оказался довольно стандартным для ситуаций подобных той, в которой она оказалась. А если упростить все юридические формулировки до понятного, человеческого языка, то в нем говорится, что весь ее клан будет уничтожен до последнего человека, если она будет трепаться о том, что узнает здесь. Вот, собственно, и все. Стандартная практика. Только кнут. Никакого пряника.

Единственное на что она может рассчитывать, так это короткий рассказ главе клана о сути договора между ней и императором, если таковой будет заключен. Никакой конкретики. Исключительно общие слова и обтекаемые выра-

жения.

– Прошу за мной – произнес личный секретарь императора, когда Оливия вернула ему подписанные документы.

Судя по тому, что весь путь до личного кабинета императора они шли по коридорам без окон и только в конце остановились у огромной панорамы с видом на площадь Меркурия, доставили будущую главу Железных кулаков отнюдь не к парадному входу. Скорее к зоне разгрузки, откуда через технические помещения привели сюда.

Впрочем, сейчас это беспокоило Оливию в последнюю очередь. Даже если не брать устоявшиеся нейтрально-негативные отношения между империей и кланами, то ей предстояла личная встреча с императором. И это было весьма волнительное событие.

Очень малому количеству людей представляется шанс воочию увидеть императора. Еще меньшему поговорить с ним один на один.

– Как будете готовы – с легкой улыбкой произнес Вениамин Викторович, заметивший волнение девушки.

Та же в свою очередь сделал пару глубоких вдохов и постаралась успокоить сердце. В этом ей отлично помогало воспоминание как она с мамой, папой и маленьким братиком выбрались на природу чудесным летним днем и до поздней ночи валялись на траве, наблюдая за лунами Астреи. Вечной и Странницей.

То был миг абсолютного счастья. Возвращаясь к нему, она

раз за разом обретала покой. И даже в самом страшном бою этот момент прошлого помогал ей не опускать руки. Он был ее якорем.

Вот и сейчас это безбрежное счастье смыло всякое волнение с ее лица. Она знала ради чего живет и за что сражается. А встреча с императором это всего лишь разговор. Не более.

Повернувшись к секретарю, она уверенно кивнула.

Тот не заставил себя ждать и без всяких церемоний открыл створки дверей ведущих в кабинет императора.

– Ваше величество. Представитель клана Железного Кулака прибыл.

– Хорошо, Вениамин. Приглашай – раздался из-за спины секретаря довольно молодой голос.

Через секунду слуга отошел в сторону, пропуская Оливию внутрь.

В этот момент она впервые увидела императора лично, и он был совсем не похож на себя. Точнее на телевизионного себя. Словно помолодел лет на десять и при этом совершенно растерял характерную императорскую осанку.

Если в телевизоре он выглядел довольно зрелым, нестигаемым и предельно волевым правителем, с идеально прямой спиной, то в жизни все выглядело несколько иначе. Смотря на него, она никак не могла дать ему больше тридцати. Волосы слегка растрепаны, на лице небольшая щетина, плечи опущены, а спина чуть согнута, как у обычного офисного клерка, который проводит все свое время за компьютером.

Однако, что осталось неизменным, так это взгляд ярко-синих, как будто смеющихся глаз. Этот взгляд словно визитная карточка. Переодень его в какого-нибудь бедолагу из трущоб, не дай бриться пару месяцев, поставь фингал под глаз и все равно узнаешь в нем императора. Слишком яркая черта для человека, обличенного абсолютной властью.

– Вашем Императорское Величество – поклонилась Оливия как подобает офицеру, приложив кулак к сердцу и согнувшись примерно на двадцать градусов.

– Здравствуй, Оливия – с легким намеком на улыбку произнес император – Это не официальная встреча так что следовать этикету мы сегодня не будем. Да и, признаться честно, у меня на это банально нет времени. Присаживайся – он указал на кресло, стоящее впритык к своему рабочему месту в виде Т-образного стола.

– Благодарю – ответила Оливия.

Пока шла к креслу, девушка отметила довольно скудное убранство кабинета первого человека империи. Никаких тебе золотых канделябров, фресок, лепнины или захудалых бюстов прошлых правителей. Стол, несколько кресел, мониторы, небольшой мягкий диван в углу и, собственно, сам император в окружении кучи документов.

Не таким она себе представляла рабочее место правителя. Минимум роскоши в виде массивного стола совсем не вязался с образом человека, стоящего над всеми прочими.

– Полагаю у тебя сейчас много вопросов? – спросил им-

ператор, когда Оливия села в кресло.

– Есть несколько – осторожно ответила она.

– Отлично – кивнул он каким-то своим мыслям – Тогда давай отвечу на самый главный из них. Тебя пригласили сюда, потому что мне нужна помощь с одним крайне деликатным делом, которое я не могу поручить своим людям, по независящим от меня причинам.

Что на это ответить Оливия не знала, поэтому просто кивнула.

– Награду за выполнение этого задания я озвучил твоему отцу. Клан получает освобождение от налогов на своей территории, а непосредственный исполнитель получит то, что пожелает и если это будет в моих силах. Ты с этим согласна?

– Так точно. Отец проинформировал меня.

– Замечательно. А теперь перейдем к неприятной части договора, о которой твой отец пока что не знает – сказал император и начал искать какие-то документы на столе – Она заключается в том, что непосредственный исполнитель данного задания не сможет занимать никакие должности ни в имперской, ни в клановой структуре власти. В данном случае, так как представителем клана являешься ты, Оливия, подобное будет означать полный отказ от главенства в клане Железного Кулака. Разумеется, если согласишься на эту работу.

– Что простите? – прозвучавшее было подобно раскату грома ударившему прямо над головой.

– Ты все верно поняла – пояснил император – согласишься на задание и навсегда можешь забыть о месте главы клана.

Осмыслить эти слова оказалось не просто. Не потому, что в них было что-то невероятно сложное, а потому что теперь от ее решения будет зависеть исполнится ли её мечта и мечта ее отца о главе клана в лице Оливии. Император это понял и потому не торопил.

Целых шесть минут ей потребовалось, чтобы уложить бурю в душе и начать мыслить рационально.

– Ответ нужен прямо сейчас? – слегка огрубевшим голосом спросила девушка. Так всегда случалось, когда ей приходилось разбираться с чем-то неприятным.

– Нет – улыбнулся правитель – Сначала я дам тебе ознакомиться с заданием и всей информацией по нему. Также у тебя будет неделя на принятие решения. Больше, к сожалению, тянуть не получится. В нашем положении время очень дорого.

– Хорошо – кивнула она – Что я должна знать?

– Вот – протянул он ей толстую папку, к которой сверху была прикреплена фотография – Ознакомься.

Оливия аккуратно перехватила папку и положила перед собой.

Первое, что привлекло ее внимание, было фотографией подростка. Судя по состоянию снимка ему уже довольно много лет. Характерные замятины и потертости. Но что еще примечательнее так это то, что оно было сделано камерой

наблюдения. Очень характерный ракурс, для объектива висящего на высоте 5-6 метров.

Впрочем, и сам персонаж, запечатленный на нем, был невероятно занимательным. Хотя бы, потому что при взгляде на этого мальчика у Оливии по спине пробежал табун мурашек. И это не удивительно. Ведь со снимка на нее с неестественным холодным безразличием смотрел ребенок, залитый кровью с головы до ног.

Правую бровь, веко и щеку перечеркивает уродливый порез, который без всяких сомнений оставил мальчишку без глаза. Правая рука изрезана в мясо и висит плетью. Одежда превращена в какие-то лохмотья, пропитавшиеся кровью и грязью, а волосы скомкались в бесформенные колтуны. Но при всем этом на его лице нет и тени боли или страданий. Словно все пережитое происходило не с ним. И это пугало больше всего.

– Ребенок? – несколько удивленно спросила девушка.

– Не совсем – горько усмехнулся император – Прочитай имя на папке.

Стоило Оливии опустить взгляд на строчку, где печатными буквами было выбито имя того чье дело она изучает, как спина мгновенно покрылась холодным, липким потом, а папка рефлекторно отброшена прочь от себя.

И дело далеко не в имени или отчестве этого человека. Вся проблема и ужас заключался в двойной фамилии, которую знал каждый подданный империи. Две эти фамилии,

пронесенные сквозь световые годы с материнской планеты и соединившиеся здесь, на Астрее, короткой черточкой, породили настолько чудовищное существо, которого не знал ни один из миров.

Его именем, а точнее двойной фамилией не пугают детей. Нет нужды. Его слава ушла далеко за пределы страшилок для непослушных карапузов. Каждый знает, что он сделал и каждый страшится того невозможного момента, когда столкнется с ним лицом к лицу. Стар или млад. Не важно. Если твоя вина доказана, заказывай некролог. Только мертвые его не боялись. Потому что не могли.

И сколь много страха этот человек смог поселить в людях, столько же и радости он им подарил, когда сдался властям почти двадцать лет назад, а после бесследно исчез.

– Ито-Белов – почти беззвучно прошептала Оливия, но император ее услышал – Карайи.

– Да – кивнул он – Задание будет связано именно с ним.

В этот момент Оливия поняла почему было так много кандидатов на это задание и почему оно осталось невыполненным. Никто в здравом уме не будет связываться с Ито-Беловым. Более изощренный способ покончить с собой сложно придумать.

– Полагаю предыдущие кандидаты отсеялись на этом моменте? – отложив фотографию в сторону спросила Оливия

– Только трое – почти искренне улыбнулся император.

– Видимо оставшиеся двое были святыми – хмыкнула в

ответ Оливия.

– Это вряд ли. Тем не менее они взялись за работу. Правда не преуспели в ней от слова совсем.

Оливия посмотрела на императора вопросительно подняв бровь и тот не заставил себя ждать.

– Ито-Белов послал их раньше, чем они успели переступить порог камеры. Точнее послал он только представителя Стражей и тот благоразумно ретировался. Второй оказался менее благоразумен.

– Убил? – уже понимая к чему клонит император, спросила Оливия.

– Да – спокойно кивнул государь – Наследник Огненных Магов решил показать характер и попытался давить. Как не жаль это признавать, результат оказался закономерным и весьма ироничным. Карайи раздавил ему голову. Мгновенная смерть.

– Да уж – тяжело выдохнула девушка – Могу я узнать за чем вам нужен Ито-Белов?

– Ознакомься с документами и возможно сама поймешь – кивнул он на пухлую папку – А я пока кофейку выпью.

Допытываться дальше у Оливии не было никакого желания, поэтому она приступил к чтению.

Следующие тридцать минут девушка перебирала полицейские отчеты, фотографии с мест преступлений, записи ведущего следователя, выписки из протоколов, свидетельские показания и многое-многое другое. И все эти доку-

менты говорили об одном. Ито-Белов настоящее чудовище. Один только список жертв заставлял кровь стыть в жилах.

Однако, все это не давало даже тени намека на то, зачем императору понадобился Карайи. До тех пор, пока на самом дне папки она не нашла экспертное заключение от имперского мастера оружейника, привлеченного для изучения места преступления.

«Экспертное заключение мастера оружейника

Я, Альберт фон Ховермахер, признанный эксперт в области оружейного дела, изучив обстоятельства преступления, совершённого в Объекте 16 с уверенностью заявляю следующее:

На месте преступления обнаружены восемь тел с характерными ранами, края которых оплавлены, что указывает на воздействие чрезвычайно высокой температуры или концентрированной энергии. Помимо этого, позади мест, где стояли жертвы, найдены отверстия, уходящие вглубь бетонных перекрытий на глубину до шести метров.

*Проанализировав характер повреждений, я пришёл к выводу, что использованное оружие не имеет магической природы. **Это подтверждается следующими фактами:***

Оплавление тканей и костей происходит при температуре, сопоставимой с воздействием высокоэнергетического луча или плазменного заряда — такие эффекты не характерны для заклинаний, основанных на стихийной магии (огня,

молнии и т. п.), которые обычно оставляют иные следы разрушения;Отверстия в бетоне имеют чёткую цилиндрическую форму с оплавленными краями, что свидетельствует о механическом проникновении с одновременным термическим воздействием, а не о разрушении силой воли или магической энергией;Отсутствие остаточной магической ауры в зоне поражения (проверено с помощью детекторов эманаций).

Предположительный тип оружия

Наиболее вероятным оружием, использованным при совершении преступления, является портативный плазменный излучатель (или аналогичное устройство), работающее по следующему принципу:

Генерирует концентрированный поток высокотемпературной плазмы, способный:Мгновенно прожигать органические ткани с эффектом оплавления;Проникать сквозь твёрдые материалы (бетон, камень) с формированием идеально ровных каналов;Сохранять направленность на дистанции, достаточной для поражения целей на расстоянии.Оснащён системой фокусировки луча, позволяющей регулировать диаметр и глубину проникновения — это объясняет вариативность размеров отверстий в бетоне.Вероятно, имеет механизм быстрой перезарядки или непрерывного излучения, что позволило нападавшему оперативно устранить сразу восемь жертв.

Технические характеристики предполагаемого ору-

жия:

Мощность излучателя: не менее 10 000 ватт (судя по глубине проникновения в бетон); Температура плазменного потока: 5000–7000 °С (достаточна для оплавления как биологических тканей, так и минеральных материалов); Длина волны излучения: в диапазоне, близком к инфракрасному или ультрафиолетовому (для максимальной проникающей способности); Источник питания: компактный термоядерный элемент или аккумулятор на основе высокоплотной энергии (не магический, а технологически продвинутый).

Исключение магической природы оружия

Несмотря на магическую природу нашего мира, данное оружие не использует заклинания или артефакты. Его действие основано на принципах термодинамики и электромагнетизма, на неизвестном нам уровне. При текущем уровне развития науки подобные устройства не могут быть созданы в лабораториях, специализирующихся на военной технике.

Вывод

На основании вышеизложенного я утверждаю:

Преступление совершено с применением высокотехнологического оружия, не имеющего магической природы;

Характер повреждений однозначно указывает на исполь-

зование плазменного либо когерентного излучателя или его аналога;

Данное оружие представляет серьёзную угрозу, так как сочетает скрытность применения с разрушительной силой и способно преодолевать стандартные и усиленные магические барьеры, которые были активированы жертвами после смерти охраняемого объекта КОРП164Д

Дата: 16.08.1326

Подпись: [SJFP8I49F]»

– Вам нужен не сам Ито-Белов – неожиданно для самой себя произнесла Оливия.

Император до этого момента беззаботно потягивающий кофе и смотрящий в окно перевел взгляд на девушку.

– Почему ты так решила? – заинтересовался он.

– Ито-Белов убийца – пожала она плечами – Безусловно лучший и одновременно худший из них, но далеко не единственный. Будь вам нужен киллер, то вы бы нашел кого-нибудь попроще. Да у вас и своих, прикормленных, наверняка хватает. Со всем уважением – быстро поправилась девушка, на что император коротко хохотнул – Так что он вам нужен по другой причине.

– И по какой же?

– Вам нужны его технологии – уверенно ответила Оливия и положила перед государем экспертное заключение мастера

оружейника.

– Занятно – хмыкнул он – С чего ты взяла, что это именно его технологии?

– В противном случае картинка не сходится. Будь подобное оружие у кого-нибудь ещё, то вы бы уже давно их нашли, изучили и поставили на поток. Вам не хуже меня известно в каком мы сейчас положении. Периметр отчаянно нуждается в средствах, способных отбросить врага от границ, а по возможности и вовсе уничтожить. Раз вы этого не сделали, то вывод напрашивается очевидный. У вас ничего нет. Отсюда вытекает вопрос. У кого есть? И ответ на него всего один. Карайи. Ведь чем-то Ито-Белов убил этих восьмерых – кивнула она на экспертизу.

После этих слов наступила до боли неприятная и продолжительная пауза. Император смотрел в глаза Оливии и искал в них что-то, что было нужно только ему. Она же просто ждала реакции и дождалась.

– Дальше – произнес император.

– Что простите?

– Рассуждай дальше – повторил он и отставил кружку с кофе в сторону.

Для этого Оливии пришлось как следует задуматься. Впрочем, император не торопил. Сидел и терпеливо ждал.

– А дальше начинаются проблемы – поняла к чему ее подводил император – Получить информацию о технологии можно только у одного человека. И судя по тому, что мы не

бегаем вдоль фронта с плазменным оружием, этот человек не горит желанием делиться технологией. Допрос? Попытки? – с плохо скрываемым отвращением спросила Оливия.

– Пытались – усмехнулся император – Пятьдесят шесть трупов гвардейцев, два мертвых дознавателя и один психически нестабильный следователь.

После этого император как-то странно передернул плечами.

– А, и еще вот эта миленькая записочка – государь протянул Оливии сложенную несколько раз бумажку, заляпанную кровью.

Девушка взяла клочок бумаги в руки и осторожно, кончиками пальцев, развернула. Там была лишь короткая надпись выведенная убористым, но вполне читаемым подчерком «Оставь эту идею или оторву голову и на..ру в глотку. Карайи.»

– И он еще жив? – не веря тому, что только что прочитала, спросила девушка.

– Пятьдесят шесть гвардейцев, Оливия. Пятьдесят шесть. Голыми руками.

– Тогда я не понимаю зачем вам нужны представители кланов. Мы, безусловно, сильные маги, но здесь нужны специалисты другого плана. Уж точно не боевики.

– Это ты верно подметила – император поднялся с кресла и начал медленно прохаживаться по кабинету – Да только вот какая проблема. Нет от них толку. Что ментали-

сты, что сноходцы оказались совершенно бесполезны. По какой-то причине разум Ито-Белова полностью блокирует любое внешнее вмешательство. Поэтому у меня остался только один вариант хоть как-то использовать этого индивида на пользу империи.

– Убить – согласно кивнула Оливия.

– Что? – аж сбился с шага император – Нет конечно. Я планирую отпустить его и выселить на выступ Калхара.

– Прошу прощения, ваше величество. Я не ослышалась – не веря словам императора переспросила девушка – Вы хотите отпустить Ито-Белова на свободу?!

У Оливии никак в голове не укладывалась мысль, что он собирается выпустить Карайи из тюрьмы. Не какого-нибудь мелкого мошенника, воришку или на худой конец фальшивомонетчика, а самого Ито-Белова. Известнейшего убийцу за все время существования империи. Человека, которой по своей жестокости превзошел все мыслимые и немыслимые пределы.

Император либо совсем обезумел от отчаяния, либо просто свихнулся. Никто в здравом уме не станет выпускать Карайи на свободу. Закопать поглубже, залить десятиметровым слоем бетона, а после на всякий случай придавить ядерной бомбой, да. Но никак не освободить. Оливия совершенно не понимала ход мысли императора.

– У меня не осталось никакого варианта использовать его на благо империи – задумчиво проговорил государь – Ну еще

есть твой вариант, но тогда польза будет лишь в отсутствии расходов на содержание в Черной Яме. Так что придется отпустить.

– В таком случае возвращаемся к изначальному вопросу. Зачем нужна я? – Оливия попыталась отбросить мысль об освобождении Карайи из-под стражи и думать конструктивно.

– Все очень просто – развел он руками – Твоя роль заключается в том, что до конца его или твоей жизни ты будешь его куратором.

– Кем? – не поверила она своим ушам.

– Куратором – повторил император – Ну или надзирателем. Называй как хочешь. Суть в том, что если поймешь, что он выходит из-под контроля или перестанет выполнять условия договора, то ты его немедленно ликвидируешь. Вот и все.

«Вот и все» - подумала Оливия. Как у него все просто. Отпустить массового убийцу под ее присмотром, чтобы тот радостно побежал крошить Инсов под предлогом более длинного поводка. Мол мы тебя отпускаем на «свободу», а ты будь добр убивай чудовищ не жалея себя. Может быть, при случае, даже что-то подсмотрим из твоих технологий и тогда, возможно, перестанем пинать.

Перспективка, откровенно, так себе. И не только с позиции Ито-Белова, но и с её, Оливии, точки зрения. Положить жизнь, чтобы сторожить закоренелого преступника, с неяс-

ной вероятностью принести хоть какую-то пользу собственному клану и империи. Ну, такое.

Стоило Оливии покрутить эту мысль в голове как она поняла, какую проблему император решил оставить не озвученной и потому озвучила ее сама.

– Он ведь не хочет выходить на свободу, верно?

– Как поняла? – через три секунды тягостной паузы спросил император, любующийся видом из окна.

– Он сам сдался. У вас на него ничего не было. Так, неясные подозрения и косвенные улики ведущие в никуда. Только следователь что-то подозревал, но так и не смог ничего довести до конца. А тут он сам является в участок и сдается с повинной. Хотя мог спокойно жить дальше и его бы никто не нашел. О чем это говорит?

– И о чем же?

– Он сделал все что хотел. Ему здесь больше неинтересно. А ваше предложение сунуть голову в петлю ради блага других людей и морковки в виде свободы ему безразлично. Он не тот человек кто будет заботиться о посторонних. Да и свобода без надобности, раз добровольно отправился в камеру.

– Теперь понимаешь зачем ты здесь?

– Да – с сожалением признала Оливия. Ведь вывод напрашивался сам собой – Я должна сделать так, чтобы жизнь вне камеры стала ему интереснее, чем внутри нее.

– Вот мы и подошли к нашей первой задаче – через несколько секунд произнес император и заложил руки за

спину.

– Первой? – удивилась Оливия

– Да. И далеко не самой важной – он развернулся и положил перед ней клочок пожелтевшей от времени газеты запа-
янной в пластик – Это получил мой отец, предыдущий им-
ператор, почти двадцать лет назад. Обрати внимание на дату
выхода газеты.

Оливия взяла в руки пластиковый кейс с обрывком газе-
ты и прочитала восемь цифр в правом уголке. Стоило ей это
сделать как что-то корябнуло в мозгу, но как бы она не пы-
талась, так и не смогла понять, что именно беспокоит.

– Почему мне кажется эта дата знакомой? – сдалась она и
спросила императора.

– Прочитай вот это – он выдернул из разбросанных де-
вушкой по столу документов лист и положил перед ней.

Это был протокол задержания Ито-Белова, когда тот при-
шел сдаваться в центральный полицейский участок Осмара.
Оливия увидела искомое практически сразу.

– Одна и та же дата.

– Верно. А теперь переверни и прочитай заметку на полях.
В слух пожалуйста.

Девушка подчинилась и принялась читать. И с каждым
новым словом ее лицо становилось все более шокирован-
ным.

– Слабость - твой грех, Император. Вверх судьбу своего
народа в руки, которые смогут уберечь то небольшое, что оста-

нется после прихода Исэй. Или умри вместе с ним. Карайи.

Подпись самого известного убийцы красовалась на отлично читаемом кровавом отпечатке большого пальца.

– Это настоящая записка? – не веря в происходящее спросила Оливия.

– Да – подтвердил император – Мой отец получил её в тот же день, когда Карайи сдался. Буквально за тридцать ми нут до того, как тот вошел в участок.

– Получается он знал о вторжении за восемнадцать лет до того, как оно случится. Знал и ... - дальнейшие слова ей не хотелось произносить, но этого и не потребовалось. Император сделал это за неё.

– И предупредил нас – кивнул он и тяжело вздохнул – А мой властолюбивый отец в страхе за свой трон решил спрятать информацию и этим погубил половину населения империи. Не дал нам времени подготовится. Отнял единственный шанс спасти всех! – неожиданно яростно крикнул император и ударил по столу так, что тот отлетел в сторону и рассыпался в щепу от столкновения со стеной.

От столь яркого проявления эмоций Оливия вздрогнула, а затем замерла, стараясь не привлекать внимания императора.

– Иногда я очень жалею, что не удавил его собственными руками – было видно, что тот действительно жалеет об этом. Желваки на скулах ходили ходуном.

В этот момент дверь приоткрылась и внутри заглянул Ве-

ниамин Викторович. Видимо услышал звук удара стола о стену. Впрочем, вернулся за дверь он с той же скоростью с какой и заглянул внутрь. Император просто отмахнулся от него и тот все сразу же понял.

– В общем теперь ты должна понимать какая у тебя будет главная задача.

– Да – кивнула Оливия – Мне нужно узнать, как Ито-Белов смог предсказать вторжение Инсов, а также ,что он об этом знает еще.

– Верно. И времени на это у тебя очень мало. Не знаю сколько лет мы еще продержимся под натиском тварей, но я постараюсь дать тебе все что есть.

Глава 1

32 года назад. 1381 год от начала колонизации. Южные трущобы Корнака.

Не так давно одна хорошая женщина поделилась со мной довольно забавной мыслью. Она сказала, что судьба подобна бурной горной реке. Неукротимая и своевольная сила, которой подвластно изменять материю мироздания. Однако, куда сильнее она меняет людей, что жаждут прикоснуться к ее водам.

Кто-то просто топчется на берегу и изредка мочит ноги, так как боится ее подавляющей силы. Кто-то движется вдоль течения в поисках переправы, потому что хочет окончить свой путь избегая встречи с ней. А кто-то набирается духу и погружается с головой. Ведь у таких людей нет страха перед неизбежным и для них главным провалом жизни будет не неудача, а отсутствие попытки.

И вот здесь, в этом моменте, судьба таких людей делится на два пути. Первые борются с течением, пытаясь направить реку в нужную сторону. Бултыхаются, уходят под воду с головой, тратят силы и в конечном итоге сдаются, отдаваясь потоку. Вторые делают то же самое. За одним маленьким исключением. В конечном итоге они находят свою точку опоры, где могут вкопаться так основательно, что даже судьба

пасует перед непоколебимой волей человека.

Ну а дальше кто во что горазд. Одни бредут к другому берегу игнорируя холодные течения судьбы. Другие пытаются подчинить её своей воле. Лишь одно остается неизменным. Направление. Ибо эту реку вспять не повернуть.

Мог ли десятилетний пацан в моем лице понять столь неоднозначную мысль? Увы, нет. Я просто покивал слегка ненормальной тетке, улыбнулся и поспешил в клинику. Папка бы заругал, если бы не пришел вовремя на работу.

Зато сейчас у меня было полно времени. Ведь спустя три недели я сам стал пациентом больницы, в которой не так давно подрабатывал по протекции отца.

Да и условия более чем подходящие. За прошлые четыре часа так долго и надрывно кричал, что окончательно сорвал голос. Теперь могу только жалобно подвывать с перерывами на хрип. Ну а три пулевых отверстия в моем маленьком тельце не оставляют никакого другого выбора, кроме как лежать на больничной койке и скулить от невыносимой боли.

Жаль она не физическая. Меня так сильно накачали препаратами, что практически не ощущаю собственного тела. Зато душевной боли через край. Ведь каких-то шестнадцать часов назад я потерял все, что знал и любил.

Три недели и 32 часа назад

– Тсс, Лейка. Ну где ты там? – шепнул я себе за спину. Там

совсем недавно была моя маленькая сестра. Однако, стоило мне ненадолго отвернуться, как эта егоза моментально испарилась. Пришлось остановиться – Я сейчас печенье один съем!

Громкий шепот с угрозой единоличного разграбления отцовской заначки сливочного печенья возымел свое действие. Буквально через мгновение из другого конца коридора показалась ее конопатая мордашка с нечеловечески умильным выражением лица.

Сейчас оно выражало целую гамму эмоций. Обиду на старшего брата за манипулирование сладким, надежду на мою порядочность и предвкушение от будущего грабежа. Ведь сладость печенья определяется не только объемом сахара в его составе, но и степенью запретности плода.

А так как в нашем доме сладкое было под строжайшем контролем отца, то ставки в этой игре были очень высоки. Впрочем, если бы Лейка не попросила вкусненького, то мне бы даже в голову не пришло в предрассветных сумерках пробираться на кухню ради сладостей. Это ее страсть. Я вполне мог обходиться и отцовскими кулинарными шедеврами, которые регулярно приходится разбавлять водой из-за переизбытка соли.

Вот только Лорелея имела надо мной абсолютную власть, и я никак не мог ей отказать. Эта квинтэссенция милоты и счастья буквально веревки из меня вила. Так что вынужден подкидываться на ее авантюры и просыпаться ранним утром,

чтобы освободить партию печенья из лап узурпатора отца.

– Иди сюда! – шикнул я на нее и через мгновение эта козюлька уткнулась мне в ногу и очаровательно улыбнулась.

– Сережка, не сердись. Тебе не идет – пропищала Лейка.

– Знаю – улыбнулся я и погладил ее по голове – Идем расхищать отцовские запасы.

Мы двинулись дальше по коридору периодически замирая при очередном скрипе старого дощатого пола. Однако, нас это никогда не останавливало. Так что и в этот раз с горем пополам мы за три минуты добрались до кухни.

Там я осторожно вытащил из-под стола колченогий табурет и взобрался на него. Увы, с моим ростом достать до верхнего шкафчика, без этого творения однорукого столяра, было нереально. Пришлось балансировать на жалобно скрипевшем предмете мебели и молиться душам предков, чтобы уберегли меня от встречи пятой точки с земной твердью в виде ссохшихся от старости досок и угрожающе торчащих из них гвоздей.

Впрочем, судьба сегодня была на моей стороне. Я смог ухватиться за дверцу шкафчика и как следует порывшись внутри него, явить миру початую пачку печенья.

Стоило мне только достать ее, как глаза Лейки засветились нездоровым блеском. Пришлось прижать пачку к себе и осторожно спуститься, а то, не ровен час, эта балбесинка выхватит сладость из рук и схомячит ее всухомятку.

– Дай – было первое что я услышал, когда утвердился но-

гами на кухонном полу. Это сестра стояла с протянутой рукой и сверлила меня своими глазенками.

— Ну уж нет. Садись за стол. Сейчас чайник поставлю.

Пока Лейка насупившись усаживалась за стол, я тихонько прикрыл входную дверь и наполнил чайник из бадьи с фильтром. Все это время упаковка из-под печенья, зажатая у меня подмышкой, громко хрустела, чем заставляла изрядно понервничать. Однако, оставлять ее без присмотра было еще хуже. Сестра непременно улучит момент и начнет грызть печенье.

Спустя несколько минут все основные приготовления были закончены, и я поставил перед конопатой пройдохой исходящую паром кружку и миску, заполненную до краев сливочным печеньем. Сам же устроился рядом и погладил сестру по голове. Не знаю почему, но сегодня мне больше обычного хотелось окружить ее любовью и заботой.

Я и так стараюсь ее баловать как только могу. Ведь она тот самый лучик света, что держит нашу семью на плаву после смерти мамы.

Лейка-то ее не помнит. Слишком маленькая была, когда это случилось. А вот я помню ее так отчетливо будто еще вчера она была здесь. Называла меня шибздиком и счастливо смеялась в объятьях отца. Болтала с нашей соседкой, теткой Хелен. Прямо на этой кухне. Ходила на работу и каждый день возвращалась домой уставшей, но с неизменной улыбкой на устах.

У меня очень много радостных воспоминаний о маме. И ровно столько же воспоминаний, от которых сердце сжимается в ужасе.

Как она вернулась из клиники и рассказала отцу о своем диагнозе. Как пыталась держаться и не показывать, что ей тяжело. Как она впервые упала в обморок на моих глазах и как я замер в страхе, не способный пошевелиться, чтобы помочь самому близкому человеку на этой земле.

Я все это помню. Но хуже всего то, что помню, как она медленно угасала и как однажды утром в мою комнату зашел отец с мокрыми от слез глазами. Он еще ничего не сказал, а я уже все понял. Ведь никогда такого не было, чтобы Белов Виктор Анатольевич пустил при мне слезу. Не тот человек.

По долгу службы папа видел смерть каждый день и потому мог похвастаться невероятно устойчивой психикой к жизненным перипетиям. Однако, две эти слезинки сломали дамбу профессиональной отстраненности врача, и я понял, что мама нас покинула.

То был худший день в моей жизни. Ведь я не знал, как существовать в мире без неё.

Дальше были похороны, поминки, общение с кучей незнакомых людей и бесконечный водоворот душераздирающих мыслей, ведущих к нерадостному будущему. Казалось, что в этот момент жизнь остановилась и будет такой теперь всегда.

Однако, в следующий миг ко мне подбежала Лейка, уткнулась в ногу, а потом посмотрела на меня своими боль-

шими глазами и улыбнулась.

Это было так неожиданно, что я сам того не подозревая улыбнулся в ответ. И вся та боль, что душила меня последние дни начала уходить. Одной улыбки сестры оказалось достаточно, чтобы во всей этой беспросветной хмари появился небольшой, но яркий лучик надежды.

В тот момент я понял, насколько тяжело нашему отцу сейчас. Поэтому взял сестру на руки и отправился к нему, чтобы обнять и показать, что мир не рухнул и у нас еще есть ради чего жить.

Пусть мы больше не услышим смех мамы. Пусть она больше не поцелует нас на ночь и не расскажет сказку. Пусть больше не будет этого безбрежного чувства безопасности, что она нам дарила. Но мы есть друг у друга и это тоже очень неплохо.

А теперь, спустя шесть лет, я сижу на кухне с сестрой и вижу в растущей Лейке нашу маму. Таковую же светлую и добрую женщину, которую хочется укрыть от всего мира, чтобы тот не замарал ее своей грязью. Ну а потакание детским шалостям и слабости к сладкому совсем не страшно. С возрастом пройдет.

Как раз на этой мысли меня застал характерный скрип половых досок из коридора. Тот самый, что возвещает о поступи отца. Уж его манеру ходить я узнаю из тысячи. Собственно, как и Лейка.

Не успел я ей подать сигнал, чтобы та лезла под стол, как

она уже оказалась там, держа в одной ручке кружку, а в другой бутерброд из двух печенюшек и масла посередине. Да еще так нарочито громко сёрбает, что хочется удавить. Со всей любовью, разумеется. Однако, смотря в эти хитрющие глаза, я смог только показать ей кулак, а после сам залез под стол и укрыл нас задвинутой табуреткой.

Помогло ли нам это? Конечно же, нет. Слишком хорошо отец знает наши проделки. Так что уже через двадцать секунд мы предстали пред его светлы очи. Я краснел от стыда, а Лейка ничтоже сумняшеся в своем праве тут быть хлебала чай вприкуску с печеньем.

– Значится обедаем папку, да?

– Никак нет – поспешил ответить я.

– Так точно – ехидно улыбаясь ответила сестра.

– Понятно – ухмыльнулся отец – Тогда тебе Сергей, за проделки сестры, полагается двойная порция гороховой каши. Задача ясна?

По больному бьет. Терпеть не могу гороховую кашу. От нее потом весь день живот пучит.

– Яснее ясного – с горьким вздохом ответил я.

– Вот и хорошо – кивнул он своим мыслям, а потом повернулся к сестре – А тебе молодая леди придется обойтись щавелевым супом. В тройном размере!

– Без проблем папуль – хихикнула Лейка и убежала в свою комнату.

Я же в этот момент возвел очи горе и мысленно возопил

«Да за что!». Ведь как минимум две из трех, если не все три, порции ее супа придется есть мне. А если учесть, что все кулинарные шедевры отца подаются с огромной шапкой соли, то велика вероятность, что утопленником мне не стать никогда.

Поняв, что наказание неизбежно, я поплелся в свою комнату, по пути прихватив печенье из миски. Хотя так подслащу дальнейшую экзекуцию. Собственно, за это и схлопотал шуточный подзатыльник и тихое «Шалопай».

В общем можно считать, что утро официально началось. По уже сложившейся традиции сначала прибрал свою комнату, потом Лейкину.

Пузатая мелочь решительно отказывалась поддерживать порядок в берлоге и всячески потакала разгульному образу жизни своей одежды. Но ничего. Старший брат я или где. Мне не сложно, а эта егоза тем временем сможет досмотреть последний сон.

Впрочем, залеживаться ей все равно не даю. По наказу отца на меня возложена обязанность контроля состояния ее полости рта, которой манкировать я никогда бы не стал. Уж мне то известно, как больно бывает лечить зубы. Поэтому каждое утро нависаю над ее золотистой макушкой и тщательно слежу, чтобы каждый зуб был тщательно вычищен, язык отскоблен, а пространство между зубами обработано флоссером.

Ну а дальше начинается истязательная часть дня. Завтрак.

Ничего не хочу сказать про кулинарные способности отца. Кроме одного. Пусть он немедленно прекратит это безобразие.

При всей своей педантичности на работе, благодаря которой и считается одним из лучших врачей наших трущоб, на кухне он становится просто безруким увальнем. И это не просто наблюдения десятилетнего мальчика, а общеизвестный факт. Даже мама не подпускала его к кухонной утвари. Ибо творения, вышедшие из-под его руки, просто не могут быть не пересолены.

К сожалению, это утро не стало тем счастливым исключением, когда папа приготовил все как надо.

Мне досталась двойная порция гороховой каши с характерными белыми вкраплениями свалевшейся соли, а Лейка хлебала щавелевый суп из огромной салатной миски под строгим взглядом отца. В этот раз ей выкрутится не удалось и пришлось поглощать его самой. Судя по кислой физиономии в это щавелевое недоразумение отец сыпанул соли от души. Настолько, что его приходилось запивать водой.

– Пап, сегодня на автобусе на работу поедем? – поинтересовался, когда осилил свою порцию наказаний

– Нет. Пешком – отрицательно покачал он головой – Эстебан вчера сказал, что двадцать восьмой опять по объездной пустят из-за дорожных работ. Так что придется идти ножками.

– Понятно – слегка загрустил я. Мне всегда нравилось ка-

таться на автобусе.

– Ладно. Десять минут на сборы и выходим – отец поднялся из-за стола и ушел к себе. Я же, воровато озираясь, отобрал у сестры миску и вылил остатки супа в раковину. Мы, конечно, живем не богато, но и давиться солью тоже не дело.

На это сестра мне благодарно улыбнулась и побежала собираться в садик.

А через десять минут мы втроем вышли из дома и направились по белому проспекту в сторону первой остановки. Отец был одет в свой привычный строгий костюм, я в ушистую под мой размер форму мед. брата, а сестра в миниатюрный розовый сарафан.

Из всей нашей троицы наиболее комично выглядел я. Во всяком случае так было для стороннего наблюдателя. Ну какой из десятилетнего пупса мед. брат, да? Разве что на детском утреннике.

Вот только реальность жизни в трущобах несколько менее радужна, чем можно представить.

Ближайшая школа, где я бы теоретически смог бы учиться, находится в десяти километрах от нашего дома. Что из этого следует? То, что Сережа пролетает со школой как фанера над Осмаром. Во-первых, далеко. Во-вторых, дорого. В-третьих, отец сам может меня всему научить, чтобы я потом сдал экзамены экстерном. Во всяком случае таков был план.

И тем не менее это не объясняет мой внешний вид. Хотя причина довольна проста.

Просто так шляться по улицам отец никогда не позволит. Трущобы Корнака не то место, где можно гулять без опаски вляпаться в какую-нибудь нехорошую историю. Сидеть дома тоже не дело. Не в том мы положении, чтобы прозябать в блаженном ничегонеделанье. Да и я сам бы такого никому не пожелал. Жизнь с отцом врачом не смогла привить нам праздность. Поэтому единственным логичным выходом было устроить меня мед. братом на полставки.

Разумеется, через связи отца и где надо подмазав нужных людей. Кумовство и все такое. Впрочем, вопреки расхожему мнению от меня на этой работе была реальная польза. И совсем не в плане выноса уток, так как остальная работа мне была не по силам. Нет. Все дело в том, что у меня была родовая сила нашей мамы. Я могу создавать призрачных двойников.

Да, по сравнению с дарами от артефактов предтеч мой может показаться совершенно никчёмным. Ну что такое бестелесные призраки по сравнению с возможностью управлять огнем или гравитацией? Нечто бесполезное. То, что не дает никаких весомых преимуществ в жизни.

Однако, для меня эта сила была самой желанной на свете. Во-первых, это родовая сила. Та, что передавалась в нашей семье из поколения в поколение. Её нам даровал не артефакт предтеч, при инициации в храме Пути Звездного Света. Мы получили ее сами. Собственными силами. И более того. Она абсолютно уникальна, как и все силы, возвращенные первым

поколением колонистов Астреи. Во-вторых, эта небольшая частичка мамы, что останется со мной на всю жизнь. Даже когда память о ней окончательно истлеет. Ну и в-третьих, эта сила идеально подходит для моей работы в клинике.

Из-за своего щедедушного тельца и малого возраста я не могу выполнять всю ту работу, с которой справляются обычные мед. братья. Зато благодаря своему дару у меня есть возможность полностью контролировать отделение реанимации, где тружусь уже второй год.

Как это выглядит на практике? Все на самом деле очень просто. По приходу на работу я сажусь на выделенный для меня стул на сестринском посту и отделяю от себя три личностных слепка, которых необразованные балбесы называют призраками.

После этого слепки или точнее мои копии направляются в реанимационное отделение и встают там на дежурство. Их задача следить за показаниями приборов и дать мне знать, если в состоянии пациентов что-то изменится. В таком случае один из трех, которых я могу создать на текущий момент, самоуничтожается.

Это не баг, а фича. Если что. Не знаю точно, как работает этот механизм, но при смерти призрака ко мне возвращаются все его воспоминания. И не просто обрывки, а полноценная память за весь период существования. Пока что это всего лишь час.

Я буквально по секундам могу просмотреть всю его па-

мать, а после внести все данные в планшет. Если же случается нечто экстраординарное или пациенту внезапно становится хуже, просто сообщая мед. сестрам и те уже сами вызывают врачей или разбираются самостоятельно.

Моя главная задача это по максимуму разгрузить вспомогательный персонал, чтобы они могли спокойно работать, а не бегать по всему отделению с видом загнанной лошади и глазами навывкате. С чем, смею заметить, довольно неплохо справляюсь.

Ведь при любом намеке на то, чтобы выпнуть меня из клиники мед. сестры поднимают вой. Да такой, что автор подобной инициативы очень быстро оказывается окружен озлобленными женщинами, а после мгновенно меняет мнение на счет полезности десятилетки.

В общем для зевак я может быть и выгляжу смешно в больничной форме, но вот те, кто знает нашу семью, относятся к моему внешнему виду с уважением.

Не успели мы сойти с крыльца дома, как позади раздался звук открывающейся двери. Я рефлексивно обернулся и увидел нашу соседку Хелен с ее дочерью. Лизоньке было столько же сколько и Лейке. Собственно, на этой почве они довольно быстро и надежно сошлись несколько лет назад.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что стоило сестре увидеть свою подругу, как она тут же побежала к ней и начала щебетать о чём-то своем, девичьем.

– Здравствуй, Хелен – улыбнувшись, поздоровался отец.

– И тебе не кашлять, Виктор – по-простецки ответила женщина – На работу?

– Ага. Только Лорелею сначала в садик заведем.

– Отлично! Можешь тогда и мою Лизоньку прихватить? Я сама уже опаздываю на завод.

– Не вопрос – пожал плечами папа – Чай не в первый раз.

– Спасибо. Лиза – Хелен повернулась к дочери и поправила на ней салатовое платье – Виктор отведет тебя в садик. Хорошо?

– Конечно, мам – улыбаясь пропищала рыжая, как солнышко девчонка и улыбнулась.

– Ну и замечательно – в ответ улыбнулась ее мама, а потом чмокнула девочку в лоб – Все, я побежала.

Отойдя на десяток шагов, она обернулась, помахала нам рукой, а после скрылась за поворотом. Мы же расширенным составом двинули по проспекту, чтобы через пятнадцать минут оказаться перед воротами детского сада, где нас поджидала воспитательница старшей группы.

Отец по своему обыкновению отошел с ней немного в сторону и о чем-то пошептался. Ну а я ухватил сестру и Лизку за плечи, чтобы эти две егозы никуда не смылись. За ними нужен глаз да глаз.

Через минуту воспитательница забрала у меня девочек, и мы с папой могли продолжить наш путь в клинику. Тем более, что идти тут осталось всего ничего.

Ну а дальше начались привычные рабочие часы. Отец сра-

зу умотал в свою хирургию, а я отправился на поклон к главной медсестре смены. Сегодня это была Симонова Любовь Ильинична. Одна из моих любимых, так как не забывала подкармливать меня вкусными котлетками во время обеденного перерыва.

– Привет, Сережка – поздоровалась со мной Любовь Ильинична – Сегодня на всю смену?

– Нет. До семи только. Надо Лейку будет из садика забрать.

– Понятно. Ты сразу к себе на пост? – со смешком спросила она – Или с нами чайку попьешь?

– К себе – улыбнулся я на нехитрую шутку – Надо с новоприбывшими познакомиться.

– Ну ладно. Там Эстер сейчас. Она уже все карты скинула тебе на планшет.

– Понял, Спасибо – кивнул я и быстренько запрыгнул в свои штатные тапочки.

Выйдя из ординаторской, направился прямиком на пост, где меня уже ждала длинноногая Эстер. И это не прозвище, а практически титул, который ей вручил мед. персонал за выдающуюся длину ног. А вся разница заключается не в обозначении, а в объеме зависти который можно определить при произношении титула.

Эстер завидовали все. Той самой белой завистью, которую можно испытывать к человеку с невероятно доброй душой. Ведь она была именно такой. Очень доброй и сострадатель-

ной девушкой, которая в большей степени была сконцентрирована на своих профессиональных качествах, чем на внешности. За что и любима.

– Привет, Эстер. Как дела?

– Привет, хитрован. Решил почтить нас своим присутствием? – со слегка игривой улыбкой спросила девушка.

– Ага – улыбнулся я, усаживаясь на свой стул – Снизошел.

– Ну тогда держи – она протянула мне планшет – У нас сегодня аншлаг.

– Уууу – протянул я, проглядывая карты пациентов – Где-то проезжал автобус с сердечниками и на повороте часть вывалилась нам на порог?

– Скорее уж все – хмыкнула Эстер.

– Ладно. Отправляю шпионов. Можешь отзываться псов войны – смешок вырвался сам по себе, но девушка поняла меня правильно и нажала на кнопку сбора мед. персонала. В этот же момент всем мед. сестрам и мед. братьям в отделении на коммуникаторы пришло уведомление явится на пост.

Я же в это время принял максимально удобную позу на стуле и волевым усилием отделил от себя три слепка и отправил их на обход. Забавно, что собственных призраков видел только я. Для стороннего наблюдателя ничего не произошло. Никакого всплеска маны или визуального эффекта не было. Я просто сел на стул и уставился в планшет.

Поначалу мне это не давалось так просто как сейчас. В первые разы приходилось прикладывать немалые усилия,

чтобы создать хотя бы одного призрака. Я банально не понимал, как это сделать. Однако, со временем наловчился и разработал целую методику.

Теперь я могу создавать их тремя разными способами. Первый самый быстрый. Представляю свое тело полупрозрачным и заставляю его двоиться, как при делении клеток. Призрак образуется практически мгновенно, но за это приходится платить противным холодком вдоль позвоночника. Второй способ медленный. Копия формируется в виде вуали, которая охватывает мое тело и медленно спадает на землю, чтобы потом предстать передо мной. Ну и третий – экстренный. Его я использую только в тех случаях, когда мне срочно нужна информация. Например, при остановке сердца пациента и т.п. В таком случае формирую слепок в непосредственной близости от точки назначения. Энергии на это тратиться уйма, но зато никаких задержек.

Впрочем, все эти методы объединяет одно. Воображение. Без него создать нормальный слепок практически невозможно. Я должен не просто представлять копию своего тела, но и наделять ее определенными свойствами.

Будь это просто оболочка, то никакого бы толку от них не было. Просто невидимая камера, которая пишет только то, на что заставляю ее смотреть. Весьма ущербный конструкт.

Поэтому вторым, после банального создания призраков, я начал учиться созданию разумных слепков. И это оказалось довольно просто. Если бы не один минус. Чем боль-

ше у копии было сходства со мной, тем больше энергии он жрал на свое поддержание. Поэтому пришлось учиться обрезать функционал.

Путем усердного думанья и экспериментов, я смог осилить эту задачу за шесть месяцев. Теперь мои слепки могут быть наделены каким угодно свойством и реагировать на любые условия, которые я пропишу в их матрице.

Вот и сейчас три призрака патрулируют отделение и каждый занят своим делом. Первый следит за приборами, второй проводит визуальный осмотр пациентов, а третий просто стоит на шухере, чтобы в случае чего передать мне информацию. Давно отработанная связка, которая еще ни разу меня не подвела.

Собственно, и сегодня этого не случилось. Через час после начала моего дежурства экстренный призрак самоуничтожился и показал только нужную информацию, подсветив участок записи в моем сознании.

– Пациент Волошкович П.Н. Палата номер шесть. Падает оксигенация – произнес я в воздух, просмотрев запись и тут же создал нового призрака на замену выпавшему.

– Принято – отозвалась Любовь Ильинична – Что у нас по Джеферсону из тринадцатой?

Я на секунду задумался и отозвал призрака с патруля.

– Синусовый ритм. Стабилен. А вот у Кириленко из третьей какие-то странные высыпания на шее появились. Лучше бы вызвать лечащего врача.

– Хорошо. Отправлю запрос. Что с остальными?

– Стабильны. Уборщик опять пакеты перепутал и биологические отходы в обычный мешок скинул.

– Василийч?

– Нет. Молодой который.

– А, Петька – понимающе кивнула Любовь Ильинична – Ну ничего. Я ему сегодня такой пистон вставлю.

– Эмм ..., что? – не понял я.

– Ничего. Тебе такое пока рано знать.

Ну рано, так рано. Пожал плечами и восстановил популяцию призраков в отделении.

За следующие три часа ничего интересного не произошло. Я методично заполнял карты, а старшая мед. сестра отпустила половину своих подчиненных на обед, так как сейчас на вахте стою я. Позже меня сменит Эстер со своими подружками.

Так и произошло. Через сорок минут я сидел в ординаторской и уплетал за обе щеки вкуснейшие тефтели с пюрешкой, вышедшие из-под руки Любви Ильиничны. Ну и конечно же выслушал целый сонм сплетен обо всех, кто хоть как-то попадал в ореол интересов мед. персонала.

Красной линией всех этих шушуканий между мед. сестрами был отношения между коллегами. Кто с кем спит или кто с кем ходит на свидание, чтобы в скором будущем переспать.

Мне это было решительно не интересно. Поэтому все свое

внимание я отдавал содержимому контейнера для еды. А через двадцать минут вернулся на пост и весь остаток смены передавал информацию о пациентах тётё Любе, как она себя просила называть.

В общем обычный рабочий день. За одним маленьким исключением. Стоило часам указать стрелкой на семерку, как я быстренько распрощался со всеми и побежал в сторону детского садика. Нужно было забрать Лейку.

Только в этот раз не для того, чтобы отвести ее домой. Нет. Сегодня, по непонятной причине, мне больше обычного хотелось порадовать сестру. Поэтому вместо того, чтобы подождать отца два часа до окончания его смены, я бежал по полупустым улицам навстречу приключениям.

Бежал так быстро, что уже через пять минут стоял перед входом в детский сад и пытался отдышаться. Все-таки спортом я занимался крайне редко и это давало о себе знать.

Позвонил в звонок и через несколько секунд охранник впустил меня внутрь.

– Здравствуй, Сергей. За сестрой? – спросил меня добродушный мужичок слегка за пятьдесят с внушительным пивным животом.

– Здравствуйте, дядь Рашид. Да, за Лейкой – кивнул я.

– Что-то ты рано.

– Смена короткая, а отца ждать не стал. У него сегодня операция важная.

– Ясно. Ну садись тогда – он указал на мягкий пуфик для

гостей – Я сейчас попрошу Марико привести Лею.

Он начал что-то набивать на своем стареньком коммуникаторе, а я с удовольствием расположился на пуфике и принялся продумывать план действий.

Просто так гулять по трущобам было не интересно, да и по большей части опасно. Поэтому первым делом нужно отвести в красивое и безопасное место. Такое в нашем районе только одно. Парк Гибсона на границе с внутреннем городом. Там не только красиво, но и вполне комфортно из-за частых полицейских патрулей.

К тому же там достаточно много мест для развлечений. Пусть у меня осталось всего две с половиной тысячи имперских марок от карманных денег, но их вполне должно хватить на парочку аттракционов и легкий перекус.

Для надежности даже достал из нагрудного кармашка блокнот и записал по пунктам.

- 1.Автобус 2 билета – 18 марок
- 2.Входной билет – 210 марок
- 3.Аттракцион лодочки 500 марок (Лейке они очень нравятся)
- 4.Сладкая вата 60 марок (Себе не бери. Потом руки будут липкими. Лучше купи влажные салфетки)
- 5.Колесо обозрения 340 марок (Не показывай сестре что тебе страшно!!!)
- 6.Корндоги 200 марок.
- 7.Автобус до клиники 18 марок.

Определив для себя основные статьи расходов, я убедился, что нам на все хватает и уже спокойно принялся ждать сестру. Та не заставила себя ждать и через несколько минут с воплем «Братик!!!» запрыгнула мне на шею.

– Ты чего так рано? – полуобвинительно спросила она.

– Расскажу, только если поклянешься сохранить секрет – наклонился к ней и прошептал на ушко.

От этого на её лице появилась умильная ехидная ухмылочка. Ну прямо дьяволенок в сарафане.

– Слушаю внимательно.

– У меня сегодня короткая смена и потому решил, что нам не повредит съездить в парк Гибсона и немного развеяться. Как на это смотришь?

– Я, да я ... – растерялась она.

– Тшшш, не привлекай внимания – с улыбкой шикнул я.

Вместо ответа она яростно закивала, и мы в приподнятом настроении покинули детский сад. Лейка радовалась неожиданному приключению, а я просто не смог сдержать улыбку при виде этого комочка счастья и непосредственности.

До остановки идти было недалеко, но даже это время мы решили скоротать типичной детской болтовней. Точнее на этом настояла сестра. Мне же оставалось просто кивать в такт ее мыслям.

– Ну и вот. Эта дурацкая Кимико пришла сегодня с такой же резинкой для волос как у меня. Хотя я ей еще вчера говорила, чтобы она другую взяла. Вот зачем она так делает?

– А ты как думаешь? – на автомате спросил я, параллельно следя за округой.

– Да потому что вредина! – топнув ножкой ответила Лейка
– Правильно Степка говорил, что она плохая девочка.

– Степка значит – многозначительно хмыкнул я и улыбнулся – А это не тот Степка, который дурацкий дурак и постоянно тебя за волосы дергает?

Этот вопрос заставил сестру смутиться. С одной стороны в ней горело желание доказать свою правоту, а с другой понимание, что «Степка» не самый надежный источник истины, на который стоит ссылаться. Ведь сначала он подбивал клинья к Кимики, а когда та ему отказала, переключился на Лорелею. В общем типичный флюгер.

– Он – фыркнув и насупившись ответила Лейка – Но его сомнительная репутация не делает меня неправой. Вот.

– Сомнительная репутация. О как – едва не рассмеялся я, а потому следка ущипнул сестру за щеку, чтобы убавить градус серьезности на ее моське – У ти какая.

– Ай, бовьно зе – пропищала она, отбиваясь от меня.

Тут я уже не удержался и рассмеялся в голос. Чем кажется потревожил бабулек, сидящих в теньке автобусной остановки. Мы как раз достигли места назначения. И очень вовремя. Буквально через минуту приехал наш автобус.

Так как ехать было довольно далеко, мы ушли в конец салона и сели у окна. Лейка радостно щебетала и описывала все что видит снаружи, а мне оставалось лишь гладить ее по

голове и следить, чтобы она не выскочила в приоткрытую форточку.

Кого-то столь неумный энтузиазм моей сестры может раздражать. И я даже заметил несколько косых взглядов от соседей по транспорту, которые благополучно проигнорировал. Однако, мне было хорошо и радостно от того, что эта шмакодявка такая какая есть. Маленький генератор жизни и счастья.

Поэтому я даже не думал мешать ей наслаждаться нашей поездкой. Просто был рядом, впитывал ее эмоции и запомнил этот день, чтобы когда станет грустно мог вспомнить и улыбнуться.

Через сорок минут мы наконец-то доехали до нужного места. Автобус высадил нас прямо напротив входа в парк, куда мы сразу же и направились.

Приветливый билетер вручил нам два бумажных прямоугольника в обмен на слегка помятые купюры, а уже через мгновение мне пришлось догонять слегка приплясывающую сестру. Ей очевидно не терпелось поскорее забраться в какой-нибудь аттракцион.

Отказывать в этом удовольствии не стал, и мы сразу же направились к ее любимым лодочкам. Там двадцать минут на небольшой скорости рассекали искусственный пруд, пока встроенный в лодочку счетчик не показал два ноля. В связи с этим к берегу пришлось педалировать своими ногами. Что тоже доставляло сестре особое удовольствие. Водичка,

брызги и счастливая улыбка малявки.

После столь бурного отдыха нужно было немного успокоиться, и мы пошли к лотку со сладкой ватой. Там Лейка тоже оторвалась по полной, попросив сделать ей здоровенного радужного единорога. Пришлось прождать добрых десять минут, пока тетенька с доброй улыбкой закончит сей шедевр.

Впрочем, оно того стоило. Сестра просто сияла, идя по узенькой тропинке и потихоньку отщипывая сладость от головы мифического животного. Я тоже был доволен. Нечасто приходилось видеть ее настолько счастливой и такие моменты я ценил особенно сильно.

Колесо обозрения ничем примечательным не запомнилось. Кроме того, что все время я держался потными ладошками за поручни и старался не смотреть вниз. В отличие от Лейки высота пугала меня до дрожи в коленках. Однако, я все равно старался делать вид, что брат ничего не боится, а просто удерживает кабинку от раскачивания.

Хотя по большому счету можно было так и не стараться. Сестре все равно было глубоко безразлично на то, что происходит внутри. С куда большим интересом она осматривала окрестности внутреннего города Корнака. В частности, высоченные шпили небоскребов делового центра города.

И пусть Корнак был возведен одним из последних с момента колонизации Астреи, от этого он не перестал быть мегаполисом. По самым скромным подсчетам в нем проживает почти двадцать восемь миллионов жителей.

Во всяком случае данная цифра справедлива для тех, кто проходил перепись населения. В тех же трущобах прячется еще как минимум пара миллионов человек, до которых властям нет никакого дела.

И можно было бы обидеться на несправедливость жизни. Мол почему те, кто живет во внутреннем городе считаются полноправными гражданами империи, а мы вынуждены влачить существование на ее задворках? Но у этого есть хоть и печальное, но справедливое обоснование.

В трущобы люди попадают не только потому что неудачники по жизни и не смогли устроиться в обществе. Наиболее частой причиной переселения людей на периферию городов является банальное отсутствие дара при проходе через обязательную инициацию в шесть лет. Банальная отбраковка евгенической программы империи.

Наш случай как раз такой. Ни отцу, ни маме, ни даже мне артефакты предтеч не даровали свою силу. Мы не стали полноценными магами и не смогли встроиться в социальную структуру государства. Нам банально было опасно оставаться в обществе магически одаренных людей.

Ведь человек без силы не способен противостоять мало-мальски одаренному магу. Так что единственным относительно безопасным местом для жительства были трущобы, где сами одаренные встречаются крайне редко.

Нет. Еще конечно же можно было выселиться вообще за пределы городов. Но этот вариант лишь для тех, кто умеет

выживать в дикой природе. Астрея не слишком благосклонна к людям, как и ее истинные обитатели. Магические звери.

Наша же семья не отличалась склонностью к выживательству или тягой к регулярным сражениям с дикими животными. Поэтому мы осели на самом краю трущоб, где невеликие заработки отца могли позволить жить, без необходимости просить милостыню.

Меня это не сильно беспокоило. Главное, чтобы все были счастливы, а уж где мы при этом будем, дело десятое. Тогда как отец всячески старался выцарапать место под солнцем, упорно продвигаясь по карьерной лестнице.

Как раз на этой мысли наша кабинка остановилась в своей нижней точке, и мы смогли выбраться наружу. Лейка вприпрыжку, а я на негнущихся ногах.

Следующим пунктом нашего маршрута был лоток с корн-догами и ее я ждал особенно сильно. Ведь это лакомство было по вкусу не только сестре, но и мне. Так что через десять минут мы развалились на траве в тенике старого дуба и с огромным удовольствием поглощали сосиски в тесте. Во всяком случае пока Лейка не заскучала.

– Братик, а кем ты хочешь стать когда вырастешь? – неожиданно спросила Лорелея.

– Ммм? – дожевывая кусок сосиски спросил я – С чего это такие вопросы?

– Воспитательница сегодня нас спрашивала, а я растерялась и не смогла ответить – слегка взгрустнула она.

– Вот как? – тяжелый вздох вырвался сам собой – Не знаю, сестренка. Наверное, буду и дальше работать в клинике. У меня вроде бы неплохо получается.

Зашвырнув палочку в урну для мусора, что была в десяти метрах от нас, я откинулся на спину и подложил руки под голову.

– И ты не хочешь чего-то большего?

– Нет – ответил я спустя несколько секунд раздумий – Для меня главное, чтобы вы с папой были здоровыми и счастливыми. А уж где я буду работать не так и важно.

– Уууу. Какой ты скучный, братик.

На это я ничего отвечать не стал. Вместо этого вытянул руки к сестре и пощекотал ее за бока. Она, разумеется, залившись рассмеялась и попала в капкан моих объятий. Так мы и пролежали следующие двадцать минут. Просто валялись на траве и разглядывали облака.

Мне почему-то везде мерещились какие-то животные, а Лейке какие-то глупости вроде леденцов или пирожных. Впрочем, есть вероятность, что она просто не наелась и поэтому делает недвусмысленные намеки на продолжение банкета.

Я был не против и потому на выходе купил ей здоровенный рожок с кремом. Время уже было позднее и вскоре должна кончиться смена у отца. Значит нужно ехать в сторону больницы, чтобы встретить его и уже вместе идти домой.

Собственно, так и произошло. За те сорок минут, что мы

плелись по дорогам трущоб, Лейка успела умять рожок и теперь сыто поглаживала животик. Сегодняшняя прогулка ей явно пришлась по вкусу.

Отца мы прождали не долго. Буквально через пятнадцать минут он вышел на улицу и сразу же наткнулся на нас, что его несколько удивило. Хотя он быстро сориентировался и понял, что я не стал его дожидаться и провел время с сестрой.

– Гуляли? – вздохнув спросил он.

– Да – кивнул. Отцу я никогда не врал. Да и вообще был не приучен к вранью – Свозил Лейку в парк.

– Понятно. Хорошо отдохнули? – этот вопрос был адресован сестре.

– Да. Братик лучший на свете! – крикнула она и обняла меня.

– Ну и хорошо – улыбнулся папа и потрепал нас по головам – Идем домой?

На это нам осталось только кивнуть.

Обратный путь не отличался новизной. Все тот же маршрут, те же улицы и по большей части те же люди, идущие на встречу и возвращающиеся после долгого трудового дня в свои дома. Сотни раз я видел все это и скорее всего увижу еще больше. Единственное, что отличалось от обычной прогулки до дома была компания.

Проходя мимо сада, мы вновь натолкнулись на тётю Хелен с дочерью и уже вместе с ними пошли дальше. Отец о

чем-то говорил с соседкой, Лейка щебетала о своем девичьем с подружкой, а я просто наслаждался теплым летним вечером и закатным солнцем, что пряталось за горизонтом.

Совсем скоро ему на смену придет Вечная и на улице станет прохладнее. Но даже это не могло испортить мне настроения. Ведь сегодня был замечательный день.

– Да, определенно замечательный – неожиданно для себя произнес я вслух, когда мы поднимались на крыльцо нашего дома.

В дальнейшем я еще очень много раз вспоминал эти слова и проклинал себя за длинный язык.

Ведь стоило мне это произнести, как за спиной что-то громынуло. От испуга я мгновенно развернулся и увидел, что в конце нашей улицы из-за угла вылетают два автомобиля и несутся на бешеной скорости прямо на нас.

Но хуже всего было то, что из заднего автомобиля в пассажирское окно высунулся мужчина в татуировках и стрелял по серому седану, что ехал впереди него. Я сразу же понял, что происходит и на автомате дернул Лейку на себя, закрывая спиной.

Все произошло так быстро, что в себя я пришел только тогда, когда услышал, как машины и стрельба удаляются от нас дальше по улице. Видимо так сильно испугался, что просто выпал из жизни на несколько секунд.

Однако, стоило мне открыть глаза, как все остальные мысли вышибло из головы.

В двух шагах от меня на холодных бетонных ступенях лежал папа и не двигался, пока под ним растекалась большая лужа багровой крови. Рядом с ним лежала маленькая Лизонька, которую пыталась укрыть Хелен. Вот только пустой взгляд и пятно крови на зеленом платице говорили о том, что попытка не удалась.

Вид истекающего кровью отца и мертвой девочки привел меня в исступление. Я не мог двинуться, не мог закричать или сделать хоть что-нибудь. Просто стоял и как мог сильнее сжимал сестру.

И именно в этот момент мои ноги подкосились. По телу пробежала неожиданная слабость. С ужасом опустив голову, я увидел, как на груди сквозь форменную футболку клинки проступает кровавое пятно. Но хуже всего было то, что я увидел сестру.

Моя маленькая, добрая, жизнерадостная Лейка обмякла в руках и смотрела на меня с немым вопросом. Она не понимала, что с ней происходит, но понимала, что все очень плохо. Я видел это в её глазах. Так же как видел рваную рану на ее тоненькой шейке, из которой толчками текла кровь.

Не знаю каких усилий мне стоило сбросить оцепенение, но я тут же зажал рану. Вот только это совершенно не помогало. Я чувствовал, как сквозь пальцы просачивается горячая жидкость.

– Братик. Я, я не хочу умирать – спустя несколько секунд едва слышно прошептала она.

– Ты не умрешь. Слышишь меня. С тобой все будет хорошо. Верь мне. Пожалуйста – продавливая ком в горле ответил я, хотя уже понимал, что ничего хорошего нас не ждет.

– Братик – на ее глазах навернулись слезы

– Ничего не говори. Все будет хорошо. Просто будь со мной. Все будет хорошо. Все будет хорошо – раскачиваясь на месте продолжал шептать я и тем временем продолжал давить на рану, пытаясь хоть немного остановить кровотечение, но это не помогало. Как и увещевания, что все будет хорошо. Я видел, что она мне не верит и все равно продолжал повторять - Все будет хорошо. Все будет хорошо. Все будет хорошо.

Но сегодня судьба была к нам жестока. Сколько бы я не пытался убедить реальность в том, что все должно закончиться по-другому. Сколько бы не молил о помощи высшие силы. Сколько бы не обещал вселенной взамен жизни сестры и отца. Ничего из этого мне не помогло.

В один миг Лейка последний раз всхлипнула и мое сердце остановилось. Как и взгляд сестры.

В нем больше не было жизни. Не было и толики той радости, что я видел в ее глазах каждый день. Только пустота. Такая же, как у меня в душе.

В одно мгновение мир вокруг нас остановился.

Отец лежит в багровой луже. Хрупкое тело Лизоньки сжимается матерью с маской ужаса на лице. Моя сестра замерла на руках.

Никаких мыслей. Только боль и опустошение. И кровь. Много крови, покидающей тело.

«Подождите меня немножко» - подумал я и провалился во тьму.

Глава 2

Эстер

Этот день был длинным. По большей части таким же, как и все прочие, но именно сегодня Эстер ощущала, что время тянется подобно патоке.

Вроде бы те же действия, что и всегда. Прийти, отметить, переодеться, принять смену, изучить листы назначений, уточнить срочные задачи, сделать краткий обход по отделению и т.д. Все, как всегда. Вот только этот чертов день никак не хотел заканчиваться.

После ухода Белова со смены, пришлось выгонять весь персонал из ординаторской и под строгим присмотром Любви Ильиничной усердно работать. Ведь когда под рукой нет многофункционального «шпиона», как они в шутку называли Сережку, все дела приходится делать самостоятельно.

Вот и сейчас. Солнце только-только зашло за горизонт, а дел навалилось столько, хоть зашивайся. Особенно для Эстер. Она, как правая рука старшей мед. сестры, была обязана все контролировать и держать руку на пульсе, чтобы не дай бог не случилось какого-нибудь ЧП.

Так что приходилось крутиться на посту и периодически прикрикивать на подчиненных, чтобы те не смели прижи-

мать свою пятую точку к мягким сиденьям. Сейчас Белова нет, чтобы можно было вальяжно фланировать по коридорам реанимационного отделения.

– Забавный все-таки мальчуган – вслух подумала Эстер.

Парню от горшка два вершка, а уже работает. И не просто в качестве принеси, подай, иди на хер, не мешай. Этот карапуз, по правде говоря, держит на себе целое отделение. С помощью своих призраков контролирует не только состояние пациентов, но и в целом жизнь всей реаниматологии клиники.

Девушка была очень далека от всей этой магии и сверхъестественного. Ни она, ни её родные никогда не владели даром. А если бы даже владели, то никогда бы не стали его развивать. Как говорил отец: «Не по Сеньке шапка». Не принято было в их семье связываться с подобным.

Но даже так она признавала пользу силы мальчика. Признавала и уважала.

Хотя, по правде говоря, больше она уважала именно самого Сережку, чем его способности. Да, те, несомненно, полезны и все такое. Вот только без паренька они не имеют никакой ценности. Ведь обладай ими другой человек, то непременно использовал их отнюдь не для помощи людям. Вуайеристов и так хватает, а с невидимыми и неосязаемыми призраками это был бы совсем кошмар.

Однако, за все время знакомства с Беловым у Эстер даже не возникло мысли, что тот может подглядывать за кем-то с

дурными намерениями. Просто не такой человек.

Девушка хорошо чувствовала окружающих. Можно сказать природный эмпат. Никакой магии. Просто высокая наблюдательность и чувствительность.

Так вот этот парень ощущался ей как пушистое белое облачко. Абсолютно искренний и добрый мальчик, который беззаветно любит свою семью и стремится помогать людям вокруг себя. Именно таким она его видела и воспринимала. Она ни разу не слышала от него дурного слова и не замечала косого взгляда.

Конечно, все этого можно списать на то, что он лишь ребенок и по большей части они все такие. Только Эстер прекрасно знала, что это не так. Работа в клинике предоставила ей большую выборку людей от мала до велика и ей еще ни разу не встречался подобный Ито-Белову.

Были добрые, застенчивые, невероятно милые и обаятельные дети. Были угрюмые снаружи и ранимые внутри. Были благообразные манерами и перекореженные душой. Через ее руки прошло очень много пациентов. Так что опыту Эстер можно было верить.

И если она считала мальчишку уникальным, то значит так оно и было. Лишь бы жизнь его не перепахала, как это обычно бывает с добрыми людьми.

Как раз на этой мысли ее отвлекла подкрававшаяся сзади начальница.

– Что у нас по обстановке? – спросила Любовь Ильинична.

– Пока все спокойно.

– Это хорошо. Журналы проверила?

– Еще час назад. К счастью, ошибок не было – с улыбкой ответила Эстер.

– Тогда предлагаю выпить чайку – Любовь Ильинична присела рядом и достала из тумбочки две кружки.

Это уже практически ритуал. Стоит только солнцу уйти за горизонт и если нет новых поступлений, то эта парочка не отказывают себе в удовольствии почаяевничать. Также было и сегодня. Начальница колдовала над заваркой, а Эстер скребла по сусекам в поисках сладкого, которого на посту всегда в избытке. Все-таки преимущественно женский коллектив.

Следующие тридцать минут запомнились девушке неторопливой беседой о всякой ерунде и перемыванием косточек коллег из терапевтического. Мол они там себе такие задницы отъели, что уже в палаты приходится боком протискиваться и тому подобное. Хотя самой жаркой новостью было то, что жена новенького неонатолога трахается с заведующим хирургии.

И все бы ничего, если бы эту идиллию не прервал тревожный сигнал на пульте управления поста.

– Что там? – начальница обратила внимание на обеспокоенную физиономию подруги, смотрящей ей куда-то за плечо.

– Дерьмо - выдохнула Эстер и отставила кружку в сторону – Вызывают в неотложку – кивок на пульт.

– Да, нехорошо – покачала Любовь Ильинична головой –

У них там всегда некомплект. Иди, я тут присмотрю.

– Спасибо.

Уже через две минуты девушка забежала в неотложку и сноровисто надела одноразовый медицинский халат и перчатки. К ее удивлению, тут она оказалась далеко не в одиночестве. Здесь же был дежурный хирург с реанимационной бригадой и даже штатный анестезиолог заскочил на огонёк.

– Привет, Эстер – поздоровался с ней Альберман – Похоже у вас сегодня будет пополнение, если я не оплошаю – с ухмылкой добавил хирург.

– Или у Федерсона, если оплошаешь – не осталась в долгу девушка.

– Да, или у него – с легкой ноткой грусти согласился он – Хотя вроде как наш морг уже забит и всех новых отправляют в Святителя на третьей объездной.

Продолжать эту шутку Эстер не хотелось. Чернушный юмор, конечно, часть профессии, но и меру знать надо.

– Есть информация о том, кого везут?

– Кроме того, что экстренный, нет – вместо Альбермана ответил молоденький анестезиолог.

– Плохо. Придется работать на ходу.

Продумать последовательность действий Эстер не успела. В следующее мгновение карета скорой помощи на бешеной скорости влетела под навес и чудом не врезалась в опорную балку. Впрочем, девушка быстро абстрагировалась от произошедшего и поспешила к машине. Не время сейчас думать

о лихачестве водителя.

Однако, стоило створкам машины разойтись, как она тут же поняла причину такой спешки. Внутри была сестра Эстер, подрабатывающая фельдшером скорой и которая в данный момент делала непрямой массаж сердца, а ее коллега усердно качал мешок Амбу.

Она сидела поверх кушетки и ребенка, размещенного на жестком щите. Разобрать кого она пыталась удержать на этом свете было решительно невозможно. Слишком много крови было на нем. Собственно, как и на сестре девушки. Та была буквально залита ею с головы до ног. Да и ракурс не слишком удобный для опознания.

Впрочем, все эти мысли пронеслись в голове Эстер за считанные мгновения. Уже через секунду она ухватилась за край каталки и помогла вытянуть ее наружу. А тем временем Ольви начала докладывать.

– Мальчик, 10 лет. Три пулевых ранения. Одно сквозное под левой лопаткой. Обильное кровотечение. Второе ниже. Выходного отверстия нет. Возможна перфорация кишечника. Третье в бедро. Жгут наложили пятнадцать минут назад – с перерывами на заполошное дыхание говорила Ольви – Нарушение дыхания. Минуту назад была остановка. Сейчас на непрямом.

Было видно, что за столь недолгую поездку до клиники сестра чертовски устала. Поэтому ее работу тут же перехватила реанимационная бригада, а сама Эстер следуя коман-

дам Альбермана толкала каталку в хирургическое отделение.

Уже на пути туда она обернулась и увидела, как Ольви обессиленно прислонилась к стене, а после сползла на пол. Это было странно. Обычно сестра не реагирует так остро даже на тяжелых пациентов. Все-таки не первый день работает на скорой и повидала многое. В том числе и детей с пулевыми ранениями. Что-то здесь не так.

Через несколько секунд она узнала, что было не так. Стоило им только въехать в операционную и начать перекладывать пациента, как Эстер сразу же поняла кого сегодня предстоит оперировать Альберману. Это был Сережа.

Мальчик был весь залит кровью. Из-за этого было сложно опознать его с первого взгляда. Но сейчас, под холодным светом хирургических ламп девушка была уверена, что видит того самого доброго мальчика, которого вспоминала совсем недавно. И это было ужасно.

Сердце не бьется, дыхания нет, да и сами раны выглядят просто кошмарно. Мысль о том, что он может прямо сейчас умереть практически парализовала ее. Однако, Альберман не дал этому случиться.

– Эстер. Не тормози. Четыре единицы первой отрицательной! Живо, твою мать! – крикнул хирург и принялся за работу.

В ту же секунду девушка вспомнила зачем тут находится и побежала к холодильнику.

То, что происходило дальше она помнила отрывками. Да и то не всё. По большей части ей здесь делать было нечего, поэтому она просто прижалась к стене и не отсвечивала. Правда, когда Альберман все же смог запустить сердце мальчика Эстер смогла немного выдохнуть и покинула операционную. Там и без нее справятся. А сейчас она должна поговорить с сестрой.

Та все также сидела на холодном полу коридора, как сло-мальная кукла и не шевелилась. Вот только когда девушка подошла ближе, то увидела, что сестра беззвучно рыдает. И не удивительно. Ведь она тоже прекрасно знала семейство Ито-Беловых.

– Ольви, что случилось? – обеспокоенно спросила Эстер, когда подбежала ближе и бухнулась на колени рядом с ней – Ольви, не молчи!

– Я, я ... - дрожащим голосом начала говорить сестра, не прекращая рыдать – Я не понимаю. Мы приехали, а он ... Он сидит, понимаешь. Как ж-живой. Держит ее. Не д-дышит, но держит. Она такая маленькая. Лорелея. Вся в крови. И он тоже. Но держит. Не отпускает. Почему? – Ольви посмотрела на сестру и у той самой навернулись слезы. Ведь она тоже все поняла.

– Виктор?

– Мертв – покачала она головой – Много крови. Там еще девочка. Подруга Леи. Тоже все – со всхлипом и большими паузами продолжила Ольви – Почему Эси? Я к нему, а он не

отпускает. Не дышит. Сердце почти не бьётся, но не опускает. Только, Валерка, водитель смог ему пальцы разжать.

Больше сестра ничего сказать не смогла. Просто подтянула колени поближе к груди, уткнулась в них и зарыдала. Эстер же сидела рядом и не могла прийти в себя. То, что рассказала Ольви больно ударило по ней и она никак не находила сил, чтобы выйти из этого состояния. Комок в горле душил, а мысли то и дело возвращали к тому факту, что совсем недавно Сережа сидел на своем рабочем стуле и раздавал указания ее подчиненным задорным голоском.

Все это не укладывалось в голове. Перед глазами то и дело появлялся образ лежащего мальчика, залитого кровью с дырой в груди. Он совершенно не ощущался живым человеком. Словно манекен, облитый красной краской. Пугающее зрелище. Даже для столь опытной медсестры, как Эстер.

Впрочем, рассиживаться ей никто не дал. Через двадцать минут привезли еще одного пациента. Как потом узнала Эстер это была мать той малышки, что умерла рядом с семьей Сережи. Фельдшеры просто не могли ее оторвать от тела дочери и потому так задержались.

Девушке пришлось насильно включиться в работу. Трагедии в больнице случаются каждый день и это не повод для того, чтобы опускать руки и бросать людей на произвол судьбы. Так что следующий час она носилась по всему отделению в попытке стабилизировать женщину с ранением в брюшной полости. Точнее этим занимались врачи, а она была на под-

хвате.

Как бы то ни было, но даже такая тяжелая работа рано или поздно заканчивается. Проследив чтобы, сестра привела себя в порядок, Эстер отправилась обратно в реанимационное отделение. Там ее встретила Любовь Ильинична, которая сразу поняла, что случилось нечто плохое.

– Эстер! Да на тебе лица нет – подбежала и приобняла ее начальница, да и чего уж там, подруга – Что случилось? Что-то с Ольви?

– Нет – покачала она головой и глаза тут же намокли при воспоминании о случившемся – Сережа при смерти.

– Какой Сережа? – удивилась она. Однако, увидев опущенный взгляд подруги и поникшие плечи сразу все поняла – Нет. Не может быть! – рука сама собой прикрыла рот женщины, не верящей в происходящее.

– Прости – зачем-то извинилась девушка – Лея и Виктор все.

От этих слов у пожилой женщины подкосились ноги. Ведь она прекрасно знала всю семью Ито-Беловых. Она периодически заглядывала к ним домой, чтобы помочь Виктору по дому и просто побыть с ребятишками, которые были ей как родные.

Эстер успела подхватить начальницу и помогла ей добраться до поста. Дальнейший разговор выдался чудовищно тяжелым. Нужно было не только рассказать о случившемся, но и попытаться привести женщину в чувства. Если опера-

ция пройдет успешно, и мальчик выкарабкается, то для него нужно подготовить палату и все необходимое оборудование.

С горем пополам ей это удалось, и они практически сразу приступили к работе.

Шесть часов спустя

Утро встретило Эстер двумя новостями.

Первая заключалась в том, что в морг доставили тела Виктора, Лорелеи и Лизоньки. Хотя тот и был переполнен по официальным документам, но для них нашли место. Об этом девушке рассказал знакомый в пат.анатомии.

Вторую же новость принес сам Альберман. Позади него семенили два санитары, толкающих тележку с мальчиком, подключенным к монитору. Они прошли дальше, а хирург направился прямо к ней.

– Как он? – не утерпела Эстер.

– Жить будет – тяжело выдохнул врач и грузно облоко-
тился о стойку – Во всяком случае пока.

– Все настолько плохо?

– Не то слово. Три раза уходил и каждый раз возвращался все тяжелее. Кое-как смогли стабилизировать, но сейчас он в коме. Четыре балла по Глазго.

– Глубоко – почти шепотом произнесла девушка.

– Да – кивнул Альберман – Хотя возможно так даже лучше.

– Что? – не веря в услышанное переспросила она.

– То. Сама подумай. Каково будет мальчишке, если он очнется и узнает, что стало с его семьей?

На это ответить было нечего. Ситуация и правда хуже не придумаешь. Остаться совершенно одному в его возрасте, да еще и в трущобах. Сюда социальные службы не заглянут даже под дулом автомата. Поэтому с высокой вероятностью Сережа станет беспризорником, которых здесь в избытке. Если выживет, конечно.

На этой не веселой ноте Альберман распрощался и отправился к себе в отделение. Эстер же вернулась к привычной рутине и перекладыванию бумажек из одной стопки в другую.

Её подмывало желание сходить в палату к Белову, но она понимала, что там от нее не будет никакой пользы. Лишь вид едва живого мальчишки вновь режет по сердцу. Нет уж. На сегодня она уже получила изрядную долю боли.

Убеждая себя таким образом, девушка продолжила работать и вскоре смена подошла к концу. Затем Эстер передала пациентов коллегам и отправилась домой. Лишь у самого выхода из отделения обернулась, чтобы взглянуть на палату, где сейчас лежал Сережа.

Это был слишком долгий день.

Ну а следующий не запомнился ничем интересным. Обычные сутки в дали от работы. Стирка, уборка, короткая прогулка по району и вечер в компании телевизора с пласти-

ковым бокалом дрянного вина в руке.

Так дальше и пошло. Она приходила на работу, проводывала Сережу, а после занималась своими обязанностями. Делала все, чтобы не вспоминать тот злополучный вечер. В некоторой степени ей это даже удалось. За одним маленьким исключением, когда они с Любовью Ильиничной организовывали похороны Виктора и Лорелеи.

Сами вызвались и сами все устроили. Их похоронили за границей города в довольно приятном месте рядом с красивым прудом и могилой матери и жены. Даже поставили каменные надгробия.

Обычно так не делают. Во всяком случае в трущобах. Тела просто кремируют, а после отдают прах родственникам. Однако, Эстер отказалась от этой идеи. Ей хотелось, чтобы у Сережи было место куда он сможет прийти и попрощаться или просто поговорить с родными людьми. Это было правильно, хоть и слегка накладно. Но коллеги не оставили в беде и скинулись на похороны по сколько могли.

В остальном же жизнь вернулась на круги своя. Бумаги, назначения, пациенты. Намылить, смыть, повторить. Одно и то же изо дня в день. Пока 26 марта из палаты Ито-Белова не поступил сигнал тревоги, сопровождаемый противным писком.

Здесь все знали, что он означает. Остановка сердца.

На секунду Эстер ощутила облегчение, что ей не придется рассказывать мальчику о произошедшем. Однако, через

мгновение она сорвалась с места и побежала в палату, задавливая в себе малодушный порыв. Вот только бежала она как оказалось зря.

Не было никакой остановки. Просто пришедший в себя Сережа стянул с пальца пульсоксиметр.

– Сережа – прошептала пораженная увиденным девушка. Все-таки не каждый день доводится увидеть, как пациент выходит из глубокой комы. Вот только тот никак не прореагировал на ее появление. Лишь смотрел перед собой в никуда.

Она попыталась приблизиться, но не смогла сделать и шагу. Стоило ей по шевелиться, как мальчик перевел на нее взгляд, и та застыла на месте. От страха. Потому что перед ней был не тот улыбчивый Сережа, который старался помочь всем и каждому. Это уже был не он.

Мертвый взгляд, расслабленное лицо, спокойное дыхание через трубку ИВЛ. Подсознание кричало Эстер «Не приближайся! Делай что угодно, но не подходи ближе!». Только она не могла так поступить. Это было бы предательством. Показать свой страх тому, кто прошел через неизмеримо больший ужас.

Поэтому она взяла себя в руки и нацепив доброжелательную улыбку подошла к кровати. Сил на то, чтобы заговорить не было. Обошлась лишь беглым осмотром, под пристальным взглядом мальчика, да вернула пульсоксиметр на место.

Стоило тому оказаться на пальце, как монитор практически сразу показал стабильный синусовый ритм. Куда себя де-

вать дальше она не понимала и потому решила следовать инструкции. А именно отправилась на поиски лечащего врача. Нужно рассказать ему, что пациент вышел из комы.

Так она и сделала. Только возвращаться в палату не стала. Слишком тяжело было там находится. Даже сейчас, сидя на посту, сердце продолжало гулко бухать в груди. Словно марафон пробежала, а не зашла на пару минут к мальчику, потерявшему всю семью.

Впрочем, за следующий час Эстер смогла себя успокоить и весь остаток дня занималась своими прямыми обязанностями. Иногда поглядывала в сторону палаты Сережи, но там ничего интересного не происходило.

Несколько раз заходили врачи и так же быстро уходили. Что удивительно, так это то, что по пути к палате они улыбались, а вот на обратном пути были блее мела. Видимо не на нее одну мальчик произвел столь гнетущее впечатление.

Лишь мистер Олири оставался невозмутимым. Он и не с таким сталкивался за свои сорок лет стажа. Так что своего очнувшегося пациента он посещал хоть и не с улыбкой, но вполне приемлемой благожелательностью.

А потом наступила ночь. Эстер надеялась провести ее в спокойной обстановке ординаторской, но этому не суждено было сбыться. Стоило ей только присесть на уютный диванчик и потянуться к кружке с чаем, как по всему отделению раздался громкий, истошный крик. Настолько громкий, что от неожиданности она уронила кружку на пол и та разлете-

лась осколками керамики.

Правда сейчас это беспокоило Эстер в последнюю очередь. Она уже бежала к своему посту, чтобы понять какому пациенту требуется срочная помощь. И не она одна. Почти все медсестры и врачи, что дежурили в эту ночь оказались там одновременно. И в столь же единомышленном порыве они понеслись к палате Ито-Белова. Ведь нечеловеческий вопль доносился именно оттуда.

Внутри же их ждало поразительное зрелище. На кровати лежал и истошно кричал мальчик, а с лева от него прижавшись к стене от страха стоял новенький психолог. Вероятно, этот идиот не придумал ничего лучше, чем посетить на ночь глядя очнувшегося пациента и рассказать ему о случившемся.

Ну, конечно. Его же отключили от ИВЛ. Следовательно, может дышать сам и соответственно говорить. Так почему бы не раскидаться с этой проблемой по-быстрому?

– Тварь – вслух подумала Эстер и кинулась к мальчику, пытаясь того успокоить. Вот только ничего не помогало. Как бы она не пыталась его удержать. Какие бы слова не шептала. Ничего не помогало. Тело мальчика было напряжено до предела. Из-за этого швы на заживающих ранах начали расходиться и теперь её одной уже было недостаточно.

Внутри палаты протолкнулись врачи и тоже стали удерживать пациента. Помогало это плохо. Тот все равно продолжал дергаться и кричать, нанося себе все больше увечий.

Особенно жутко выглядели глаза Сережи. От боли и напряжения в них полопались капилляры, тем самым залил белки кровью. Говорить про набухшие вены и вовсе не стоит. Складывалось ощущение, что кожа ребенка истончилась до уровня пищевой пленки, обтянувшей мышцы и кровеносные сосуды.

Пока они пытались удержать Белова на месте, Олири метнулся к шкафчику с препаратами и уже через секунду ввел успокоительное. Оно должно было подействовать практически сразу. На что все и рассчитывали. Вот только заметного эффекта не случилось. Мальчик все также кричал и продолжал попытки вывернуться.

Только с третьей дозы он начал успокаиваться, но окончательно так и не отключился. Еще шесть часов из его палаты раздавалось жуткое завывание, которое Эстер будет помнить всю оставшуюся жизнь.

Глава 3

Седой

Седой сидел в своем любимом кресле и по старой привычке крутил простое металлическое кольцо на пальце. Эта привычка так глубоко укоренилась в его мозгу, что он уже не замечал, как это делает. Да и стоит ли вообще обращать внимание на такую ерунду. Ну крутит? Ну и что? Кому какое дело?

Тем более, что сейчас его одолевали совсем не радостные мысли.

Крепость была пуста. Воспитанники давно упорхнули устраивать свое будущее подальше от наставника. А он, старый ликвидатор, вышедший в тираж еще десяток лет назад, был вынужден просиживать задницу в холодных и темных залах.

Скука и тоска. Вот что ему осталось после долгой службы империи. Они же и подталкивали его к мысли, что пора уходить на покой. Купить где-нибудь под центральным Осмаром домик с небольшим садом и выращивать кабачки. Ну или помидоры. С этим он еще не определился.

Жаль лишь, что этим планам не суждено сбыться. Ведь ликвидаторы бывают только в двух состояниях. Действующие и мертвые. Садоводничающих в списке нет. Впрочем,

помечтать ему никто запретить не может.

На деле же придется и дальше куковать в Крепости, дожидаясь следующего воспитанника, которых с каждым годом, почему-то, становится все меньше и меньше.

Собственно, он сам приложил к этому руку, задрав для неофитов планку до небывалых высот. Надоело, видите ли, Седому возиться со всякими бродяжками из трущоб. Ему подавай атлетичных, смышлёных, исполнительных, уравновешенных и боевитых сирот.

Вот только, где таких найти в наше время? Днем с огнем не сыщешь. Либо доходяги тщедушные, либо слюнтяи не способные не то, что прирезать бандюка в подворотне, а даже просто ударить человека в лицо. Империя взрастила поколение слабовольных дураков, которых даже трущобы не могут приучить к жестокости.

Ничего, ничего. Благостные времена не продлятся вечно. Рано или поздно опять начнется междоусобица и улицы городов заполнят беспризорники, готовые рвать друг друга зубами за краюху хлеба. Тогда-то учеников будет в достатке.

Эта мысль на секунду повеселила старого ликвидатора. Лишь на секунду. Потом он вспомнил о назревшей проблеме. База пустая и улучшений не предвидится. Ему нужны воспитанники, которые не будут брезговать заказами. Их, итак, уже накопилось через край.

Так что надо начинать решать вопрос, а не разглагольствовать о том, как раньше было хорошо и как сейчас плохо.

Покряхтев, Седой поднялся с кресла и направился к рабочему столу. Там включил монитор компьютера и начал просматривать данные от скаутов, рыщущих по трущобам всех пяти мегаполисов империи.

– Не то. И это не то – бормотал себе под нос ликвидатор, проглядывая досье – Этот вообще только от сиськи оторвался. Надо бы накрутить скаутов, а то уже совсем обленились. Скоро девчонок подсовывать начнут.

К женскому полу в своей профессии он относился весьма скептически. И не потому, что сексист, а потому что на его памяти ни одна такая воспитанница не смогла показать хоть сколько-то вменяемых результатов. Либо ломались во время подготовки, либо брались за простецкие заказы и навсегда оставались в лиге третьесортных наемников. Лишь в самых редких случаях они становились крепкими специалистами.

В связи с этим Седой зарекся брать к себе в ученицы представительниц прекрасного пола. Мороки много, толку мало. Лишь единственная дочь смогла стать достойной своего отца.

Следующие два часа он листал электронные досье и с каждой новой папкой становился все угрюмее и угрюмее. Все не то. Его знаменитая чуйка на таланты так ни разу и не шелохнулась. Следовательно, выбирать тут не из кого.

Он уже хотел вернуться в кресло и продолжить поплевывать в потолок, сетуя на свою печальную судьбу, как на почту упало очередное досье. Надежд на него он не возлагал ника-

ких. Наверняка очередной «сыночка – корзиночка», осиротевший в нежном возрасте.

Отчасти старик оказался прав. В деле действительно указывался сирота. И даже более того. Скаут чуть ли не напрямую забраковал паренька за «чрезмерную добросердечность». Вот только по какой-то причине Седой не прекратил чтение на этом моменте.

Ликвидатор продолжал вчитываться в строки отчетов пытаясь понять, что же его так зацепило. Ровно до тех пор, пока не сообразил, что это зашевелилась чуйка. И чем дальше он погружался в трагичную историю некоего Ито-Белова, тем сильнее интуиция давила на мозги.

– Вот оно – прошептал старик.

Не став откладывать дело в дальний ящик, он тут же потянулся к коммуникатору и набрал номер нужного скаута. Спустя десяток гудков тот соизволил принять вызов.

– Слушаю – раздался в трубке сиплый мужской голос.

– Последнее досье. Докладывай – в привычной деловой манере скомандовал Седой.

– Хмм. Да вроде обычный одуван. Ничем примечательным не отметился.

– Мне не твое мнение нужно, а информация.

– Понял – подсобрался скаут – Мальчик. 10 лет. Некий Ито-Белов Сергей Викторович. Ныне сирота. Полтора месяца назад его отец и сестра были убиты во время погони и последующей перестрелки между местным бандами. Отец

умер сразу. Сестра, секундочку – было слышно, что скаут начал копать в своих бумагах – Да, Лорелея. Она умерла у мальчишки на руках. Он пытался остановить кровотечение, но из-за ранений слишком ослаб. Собственно, он собой и прикрыл сестру. Вот только пуля прошла его насквозь и угодила девочке в шею.

– Дальше.

– Так, да-а-альше. Дальше его доставили в ближайшую клинику, где и прооперировали. Судя по данным из карты, пацан три раза пытался слинять на тот свет, но хирург его все-таки вытянул. Сейчас находится в той же клинике на лечении.

– Это все?

– Из важного, да.

– А из неважного? – зацепился за слова скаута Седой.

На этот вопрос скаут отвечать не торопился. Судя по шебаршению тот пытался правильно подобрать слова, но в конце концов выдохнул и продолжил говорить.

– Он добряк, сэр. Судя по тому, что я успел на него накопать, мальчишка совершенно не конфликтный. Ни с кем не дерется, не ругается и даже кошку ни разу не пнул.

– И зачем же ему пинать кошек? – удивился уточнению ликвидатор.

– Ну не знаю ... Мерзкие же твари – неуверенно ответил скаут.

– Ясно. По делу что-нибудь еще есть?

– Нет. Это все.

– Хорошо. Теперь слушай внимательно. Собери по мальчишке всю информацию до какой только сможешь дотянуться. Если надо, то можешь даже привлечь наших людей в имперских архивах. Даю тебе полный карт бланш. Но чтобы к завтрашнему вечеру у меня была вся информация на этого пацана. Понял?

– Да, сэр. Но вы уверены, что он стоит таких усилий? – с сомнением в голосе спросил скаут.

– Посмотрим – коротко ответил Седой и завершил вызов, а после, уже для себя, добавил – Посмотрим.

24 часа спустя

Скаут не подвел. Собрал по мальчишке максимальное количество информации, какое только можно было собрать за столь короткий срок. Была только одна проблема. Сколько бы Седой не вчитывался в сухие строчки отчетов, но так и не мог понять на что среагировала чуйка.

А то, что она среагировала было неоспоримым фактом. Даже сейчас кричала набатом «Бери парня в оборот, старая паскуда!». И от этого просто так не отмахнёшься. Слишком долго он сидел без дела в попытке найти нормального ученика.

Но. Всегда есть чертово, но. Если верить не чуйке, которая его никогда не подводила, а голым фактам, то Ито-Бе-

лов совершенно не пригоден для наёмничьей стези. Слишком добрый. Слишком человечный.

Поэтому Седой уже битый час вчитывался в файлы скаута, пытаясь найти, то, что хотя бы умозрительно может привести к возможности его обучать. И не находил.

Отодвинувшись от монитора, Седой снял очки и как следует размял переносицу. Старость не радость. Да и зрение уже далеко не орлиное, чтобы часами сидеть в полутемном кабинете за компьютером. Это работа для аналитиков, а не мастер-наставника.

И тем не менее Седой никогда не чурался персонального подбора воспитанников. Слишком это важное дело, чтобы отдавать его на волю подчиненных. Уже не раз обжигался. Потом самому приходится подчищать хвосты, когда дефектный материал слетает с резьбы и начинает творить лютую хрень. Как минимум десяток таких он уже притопил в пригороде за свой недолгий век и пополнять статистику не хочется.

– Постарел – хмыкнул своим мыслям шестидесятилетний мужчина.

Поднявшись на ноги, он прошел в другой конец кабинета и принялся колдовать над кофемашиной. Это всегда позволяло отвлечься и взглянуть на проблему с другой стороны. А еще он любил говорить сам с собой.

– Итак. Что мы имеем? Десятилетний мальчишка, потерявший семью. Одна штука. Потребность в воспитанниках.

Одна штука. Почему мы не можем решить проблему взаимным исключением? Парень слишком мягкотелый. Это можно исправить? Можно, но тогда придется его ломать. Приемлемо? Нет. Без закалки сталь говно и с этим парнем будет также. Сколько не ломай, все равно получишь едва дееспособный инструмент. Если вообще получишь – усмехнулся Седой вспоминая паренька на которого угробил шесть лет жизни и в итоге тот стал обычным кондитером.

– Мягкая сила? Нет. Долго, муторно и не гарантирует результат. Надавить? Действовать со стороны угрозы жизни? Постепенно приучать к опасностям? Возможно, но опять же долго. Да и дорого, если уж совсем быть откровенным. Если парень сам по себе рыхлый, то ликвидатора из него не сделать. Нужен стержень, хребет.

На этом моменте Седой остановился и пригубил получившийся напиток. Вышло, как всегда, не дурно. Поэтому следующие двадцать минут он просто ходил из угла в угол, потягивая густой как смола кофе.

– А что, если просто поговорить? – задумался он – Да. Вариант откровенно поганый и не дающий ничего кроме личного знакомства. Но, с другой стороны, чуйка бы не стала дергаться, если бы не было причины. Это надо обдумать.

Собственно, именно этим старый ликвидатор и занимался половину ночи, поглощая кофе в промышленных масштабах. За это время он еще раз проглядел все данные по парнишке и в конце концов принял окончательное решение.

Да, слабый. Да, мягкотелый. Да, практически не пригодный. Но чуйка Седого никогда не обманывала, а значит встрече быть. Может быть, находясь в непосредственной близости он сможет понять почему этот Ито-Белов должен стать его учеником.

Ито-Белов

В себя я пришел далеко не сразу. Не в смысле сознания, а общего самочувствия.

Помню, как очнулся в палате, как скинул давящий на палец пульсоксиметр и как ко мне забежала Эстер с вымученной улыбкой на лице. Помню, как меня осматривал врач и вещал о том насколько я везучий парень раз пережил три пулевых ранения. Помню, как из меня доставали трубку ИВЛ и даже чертового психолога, что с присущей врачам надменностью поведал мне о том, что папа и Лейка мертвы.

Но лучше всего я помню, как кричал. Не от боли. Во всяком случае не физической. Я задыхался. И только крик. Истощенный, каркающий крик позволял не утонуть в той пучине отчаяния, что засасывала меня со страшной силой. Даже седативы, которыми заботливые врачи меня обкололи толком не помогали. Тело горело в агонии, но ему было все равно лучше, чем разуму.

Все, что делало меня мной в один миг рухнуло, как паршиво сложенный карточный домик. Лейка. Папа. Воспоми-

нения о нашем доме, о том, как сестра приходила ко мне спать, когда ей было страшно, о маме. Вся моя жизнь, память и чувства перемешались в ужасающем калейдоскопе, где единственной понятной константой были лежащий в луже крови отец и умирающая у меня на руках сестра.

Но даже это не было настоящим пробуждением. Оно пришло позже. Когда я уже не мог кричать, выть или просто сипеть. Когда меня покинули все силы.

Тогда-то и пришло опустошение. Мне уже не было больно. Мне было никак. Я практически перестал существовать. Да, тело все тоже и даже функционирует как надо, но я в нем гость. Маленькая песчинка, запертая в черепной коробке. Безвольная и слабая.

Собственно, таким я и был следующие три дня. Словно сломанная кукла, которую по недоразумению кто-то хочет починить. Лежал и смотрел, как люди со знакомыми лицами пытаются придать оболочке товарный вид, забывая, что внутри все сгорело. Я сгорел.

Часы напролет безучастно наблюдал за окружающей меня действительностью и не понимал почему они со мной возятся. Мне это уже не надо. Положите тело в какую-нибудь кладовку и пусть там валяется пока не придет пора выкинуть или пока само не умрет. Меня такой расклад полностью устроит.

Хотя должен признать, посреди всего этого безумного мельтешения лиц было и одно забавное. На третий день мо-

его бодрствования в палату вошел полицейский и начал вещать о том, как они ведут расследование, как важны мои свидетельские показания и тому подобное.

Единственное, что я из этого понял, а точнее, на что обратил внимание, так это на степень его самовлюбленности. Звук собственного голоса доставлял ему куда большее удовольствие, чем процесс расследования убийства моих родных.

Можно было бы, конечно, разозлиться и даже проявить какую-нибудь активность. Вот только зачем? Я уже труп. Песчинка в голове. А этот кретин просто разговаривает с картошкой, которая ждет, когда ее заруют в землю. Так что все, что заслужил легавый-нарцисс - пустой взгляд вдогонку.

Так бы все продолжалось и дальше, если бы в остатки моего сознания не забрела чертовски своевременная мысль.

«А что, если у этих коновалов получится привести меня в норму и мне придется торчать здесь еще не бог весть сколько лет?»

По не известной причине этот вариант мне не нравился. Поэтому пришлось помогать себе самому.

Для этого создал трех призраков и выставил их за пределами палаты. Одного на сестринском посту, другого в ординаторской, а третьего посреди коридора, ведущего в отделение неотложной помощи. Они мне маякнут, если кто-то захочет заглянуть на огонек.

Сам же в это время пытался взять двигательные функции

тела под контроль. Выходило откровенно паршиво. После недавнего эмоционального шторма мышечный тонус ушел в отрицательные значения. Во всяком случае так мне показалось.

Но ничего. Через пол часа усердных попыток, я таки смог принять сидячее положение. Было не просто, но как-то справился. Дальше по плану шел самый ответственный шаг. Нужно отключить монитор, чтобы тот не выдал меня, когда сниму пульсоксиметр.

Для этого пришлось вставать на ноги и ковылять к изголовью кровати, чтобы выдернуть прибор из розетки. Тут минимальной моторики оказалось недостаточно. Пришлось задействовать зубы. Даже удивительно, что такой сообразительности я не демонстрировал, когда не пытался себя убить. Видимо, абсолютно пустая голова отлично стимулирует смекалку.

Закончив с монитором, скинул с пальца осточертевшую прищепку и двинулся к финальному испытанию. Нужно вскрыть бокс с препаратами для реанимационных мероприятий.

Для стороннего человека это могло бы стать проблемой. Ведь бокс закрыт на внушительный такой замок, чтобы всякие любопытные не вздумали умыкнуть или не дай Путь принять подотчетный препарат. Вот только я никакой не посторонний, а самый всамделишный тутошний. И мне прекрасно известно, как обойти эту проблему.

На протяжении двух лет я наблюдал через призраков за тем, как работает реанимационная бригада. Как они двигаются, что делают, чем пользуются и самое главное как. Так вот. Этот бокс, который призван охранять препараты от посторонних за все время моего наблюдения ни разу не был открыт ключом.

Обычно на это у персонала просто не было времени, и они пользовались скажем так «сторонней утилитой». Выглядела она всегда по-разному, но чаще всего это был либо скальпель, либо обычный деревянный шпатель для осмотра полости рта. Достаточно просунуть его в небольшую щель между крышкой и корпусом, чуть-чуть поднажать и вуаля. Свободный доступ к препаратам.

Именно так я и сделал, предварительно взобравшись на стул. Для меня бокс висел на недостигаемой высоте. Впрочем, главная проблема ждала впереди.

Широкий ассортимент. Мне нужно выбрать чем "упороться" и в кратчайшие сроки добраться до конечной.

Изначально хотел вкатить себе конскую дозу пропофола и отъехать во сне, но его не оказалось. Видимо жадный анестезиолог утащил к себе в кладовку. Потом взгляд упал на мидазолам, но и тут облом. Всего одна ампула. А вот с декс-медетомидином повезло. Этого добра в избытке. Да еще и в концентрированном виде.

Решив не откладывать дело в дальний ящик, прихватил средний шприц и осушил четыре ампулы. Этого должно

быть более чем достаточно, чтобы отправить такого доходягу как я в лучший из миров.

Вернулся на койку, скрутил короткий рукав рубашки узелком, зажал его зубами, пару раз шлепнул по руке, чтобы хоть немного проступила вена, а потом без раздумий вкатил себе препарат, надавив на поршень до упора.

Мне не было страшно. Я не мандражировал. Да и в целом ничего не чувствовал. Просто существовал и ждал пока отравка подействует. Собственно, она не подкачала. Уже через минуту подскочила температура и стало трудно дышать.

Забавно что я никак не пытался этому противостоять. Просто сидел и ждал, когда задохнусь насмерть.

«Все-таки отец был прав. У детей очень подвижная психика. Мою так и вовсе снесло к чертям после их смерти» - подумал я в последнее мгновение, прежде чем провалиться во тьму.

Глава 4

Где-то

Мне было холодно и странно. Почему странно? Ну, наверное, потому, что обычно холод ощущается кожей, а не всем телом сразу. Включая внутренние органы, кости и даже сознание. Именно так я себя ощущал. Мыслящей сосулькой.

Неужели так выглядит загробная жизнь? Хех, забавно. Как там говорилось? Я мыслю, значит существую. Ха-ха два раза. Я мыслю и уже не существую. Да, у меня определенно получилось умереть.

– Ну или хотя бы попасть в тамбур лучшего из миров – прошептал себе под нос, когда все-таки отважился открыть глаза.

Вокруг меня не было ничего кроме серой хмари вокруг и скальной площадки под ногами. Сколько бы я ни вглядывался и не крутил головой пейзаж оставался тем же самым. Только мелкодисперсная пыль, взвихряющаяся странными узорами в воздухе и камень, холодящий ступни.

Стоять на месте показалось глупым, и я пошел вперед. Куда? Зачем? Не знаю. Просто пошел, чтобы не стоять на месте. Все равно ближайшую вечность скорее всего проведу здесь. Хоть и надеялся на несколько иной результат.

Спустя час или семь с половиной тысяч шагов понял, что никуда не продвинулся. Местность не изменилась. Тогда по-

вернулся налево на девяносто градусов и продолжил путешествие перпендикулярно предыдущему направлению.

Какого-либо результата это не дало, но я все равно продолжал периодически менять вектор движения и страдать от пронизывающего все мое существо холода. Ибо возможность согреться не проглядывалась совсем.

Сколько так прошел не знаю. Может день. Может больше. Усталость здесь не ощущалась. Только холод и заторможенность собственных мыслей. Однако, в конечном итоге принял решение остановиться.

Отец всегда говорил, что, если не видишь выхода из ситуации не нужно бежать куда не попадая без оглядки. Лучше остановиться и как следует подумать. Только так можно найти ответ и при этом не стоптать себе ноги до кровавых мозолей.

Так что, взяв на вооружение его науку, прижал седалище к холодному камню и начал гонять умные мысли внутри черепной коробки. Во всяком случае надеялся, что они умные. Потому что в противном случае судьба сулит мне вечное бытие сосулькой, а не воссоединение с семьей.

Неизвестно почему, но эта мысль вызвала злость, которую тут же постарался приглушить.

Я вообще за всю жизнь очень редко злился. Эта эмоция была мне неприятна, и потому всячески пытался ее избегать. А если не получалось, то уходил в себя и вызывал приятные воспоминания, чтобы нивелировать влияние негатива.

Вот и сейчас проделал тот же трюк. Вспомнил, как мама укутывала меня в плед, когда приходили холода, а отопление еще не включили. Тогда тепло давала не ткань, а мамина ласка и забота. Хорошее время.

– Так. Думай голова. Шапку куплю. Где мы находимся? – огляделся по сторонам, но там была все та же серая хмарь – Правильный ответ. Без малейшего понятия. Тогда следующий вопрос. Почему мне холодно? Скорее всего из-за того, что я мертв. Логично? Логично. Можно ли это исправить? Нет. Не правильный вопрос. Нужно ли это исправлять? Не уверен. Ради этого себя и убивал. Фигня какая-то получается.

Расстроился. По непонятной причине мысли путались в голове перескакивая с одной темы на другую. Даже озвучивание не помогало. Все равно выходила ерунда. Думаешь одно, а на язык просится другое. И что с этим делать?

Оказалось, что ничего. Точнее не так. Из-за того, что не знаю где нахожусь и как долго здесь пробуду мне нужно было придумать план действий. Вот только не понятно, с чего начать. А раз у меня нет даже исходной точки отсчета, то и делать ничего не буду. Во всяком случае физически.

Для начала нужно привести голову в порядок, потому что сейчас там полный бардак.

Этим и занимался на протяжении черт знает какого количества времени. Задача была со звездочкой, но с помощью титанических усилий и понимания цели данного действия я

смог сделать первые шаги в правильном направлении.

Для начала стал восстанавливать свою память. Сейчас она была разбита на мелкие кусочки, которые пропустили через блендер. Этакий пазл «Миллиард деталей» для завернутого на таких развлечениях ботаника. Но делать нечего. Пришлось собирать.

И начал с самого раннего воспоминания, которое мой разум только мог зафиксировать. Этим фрагментом оказался момент, когда я грохнулся с кровати в возрасте одного года. Было больно и обидно. Однако, сейчас это воспоминание подарило надежду на благоприятный исход. Ведь самое главное в любом пазле — это найти уголки. В моем случае уголками была точка отсчета осознанной жизни. Дальше проще. Нужно просто находить подходящие кусочки.

Как можно было догадаться, следующим кусочком было воспоминание, как в комнату забегают мама, громко охает, поднимает меня с пола и начинает успокаивать, чтобы я перестал реветь. Впрочем, порадовало не столько само воспоминание, хотя и оно тоже, сколько то, что кусочки пазла не собирались разваливаться после того, как соединились. Теперь они стали монолитным воспоминанием и не воспринимались в сознании, как два окошка, через которые я мог заглянуть в прошлое.

Дальше пошло веселее. Тратя целую прорву времени, я собирал свою жизнь из обломков прошлого и это вызывало странное тепло в груди. Слабое, почти эфемерное, но тепло.

Этот факт натолкнул на мысль, что я двигаюсь в правильном направлении. Так что сконцентрировав все свои извилины и внимание на процессе продолжил вспоминать.

Вспоминать, как впервые начал ходить. Как забрался под стол и укусил маму за большой палец. Как папа учил сидеть на горшке смирно и не крутиться. Как увидел первый мультик по телевизору. Как первый раз обнял новорожденную сестренку.

Воспоминаний было так много и все они были такими счастливыми, что тепло в груди стало почти настоящим. А когда соединил последний кусочек оно стало жечь. Чертовски больно жечь. Ведь теперь я воспринимал свое прошлое целиком. Как прекрасное, так и самое кошмарное.

Жаль, что этого было недостаточно. Ничего не изменилось. Все та же хмарь и тот же холод. Кроме сердца. Оно горело.

Тогда понял, что нужно делать дальше. Увы, но не только память делает нас нами. Без наших эмоций и понимания собственного я это просто последовательность картинок фонащих пережитыми чувствами. Теперь же нужно не просто греться теплом остаточных образов. Я должен вернуть себе способность испытывать эмоции и мне этого чертовски не хотелось.

Вот только бесконечно торчать в этой дыре не хотелось куда больше.

Признаюсь. Это было невыносимо больно. Проживать все

заново. Радоваться улыбке мамы, зная, как она закончит свой путь. Обнимать отца, понимая, что больше такого не случится. Укрывать Лейку своим одеялом, дрожа от мысли, что не смог защитить. Агония. Пытка длиною в девять лет.

Но я смог. Сломал себя заново, но смог вернуть утраченное. Теперь горит не только сердце, но и все тело. Лишь разум оставался холодным. Не человеческим. Словно я там чужой. И что с этим делать не знал.

Какие бы способы не пробовал. Какие бы методики не применял. Ничего не помогало. Я не был собой и у меня нет ответа, как это исправить.

Дни. Недели. Года. Не знаю сколько просидел в попытке найти выход. В голове было пусто.

Возможно, я бы остался там на вечно, если бы в один момент не открыл глаза, чтобы увидеть в далеке странный, но манящий огонек. Как долго она там висит? Сколько времени я провел во тьме своего сознания?

Опять вопросы без ответа.

Боясь спугнуть удачу, осторожно поднялся на ноги и не торопясь направился к огоньку. Шаг, затем еще один, после него еще парочку и так далее пока терпение не лопнуло. Я побежал. Ведь чем ближе был к огоньку, тем теплее мне становилось. Теплее в душе.

Я настолько сильно отдался этому чувству, что не заметил, как на постепенно увеличившемся огоньке появились три тени. Две больших и одна маленькая. Приблизился силь-

нее и тени начали принимать очертания людей.

Однако, стоило мне на это обратить внимание и осознать происходящее, как сбился с шага и грохнулся на колени перед этими тенями. Ими были мама, папа и сестра. Такими, какими их запомнил в последний раз, когда мы были все вместе.

Лейка была совсем крохой и едва дотягивалась до папиных пальцев, которыми он ее держал. Мама же полна жизни и смотрела на меня с грустной улыбкой. Ну а отец. Он был таким же, как и всегда. Прямой как рельса, со строгим выражением лица, но очень добрыми глазами.

Я хотел бы им что-то сказать, но не мог. Горло сдавило так сильно, что не вздохнуть, не вымолвить ни слова. Да и видел семью сквозь слезы. Соленые и горячие словно напалм.

Только сейчас понял, как мне плохо без них. Они и есть недостающая деталь. Без мамы, папы и Лейки я не могу быть собой. Лишь имитацией жизни. Жалкой куклой, выполняющей простейшие команды.

Попытался встать и сделать шаг навстречу, но не смог. Будто прирос. Это чертово место не хотело меня отпускать.

Посмотрел на родителей с мольбой. Может быть, они могут мне помочь выбраться отсюда?

Нет. Не могут. Не говорят, но по глазам вижу, что не могут. Улыбаются. Тепло и нежно. Так как я помню

– Мам, пап – не стесняясь всхлипов, смог выдать из себя слова – Простите меня. Пожалуйста. Я не смог. Не смог

вас уберечь – горло саднило, но я продолжал говорить. Должен говорить – Мне так больно, мам. Больше не могу. Не могу без вас. Холодно. Страшно. Прости меня. Только прости.

Стоять прямо, даже на коленях не было никаких сил, и я повесил голову. Было стыдно. Ужасно стыдно за то, что оказался таким слабым. Не смог спасти сестру. Не смог спасти папу. Все что мог - истекать кровью и уповать на высшие силы.

Какой дурак. Нашел у кого искать помощи.

Небеса ненавидят нас всех.

Так было с момента нашего рождения. С самого первого вздоха. И так будет, когда каждый из нас сделает последний. Мы лишь очередные букашки, марающие его своими нечистыми взглядами.

Но что с того?

Неожиданно, но эта злая мысль, наполненная всей той яростью, что я испытывал в этот момент, придала мне сил. Я вновь смог поднять голову. Чтобы увидеть, как мама берет маленькую Лейку за ручку и подводит ко мне.

От них двоих исходило невероятно притягательное тепло. Жаль, что я ничего не мог сделать. Только стоять и смотреть. Но даже этому был очень рад. Ведь в следующее мгновение сестра подошла ко мне вплотную и крепко обняла.

Удержать слезы не смог и это заметила мама. Она присела рядом со мной и нежно погладила по голове. Прямо как раньше.

Как бы я хотел, чтобы этот миг длился вечно. Однако, жизнь жестока и дарит лишь мимолетные мгновенья счастья.

Мама с сестрой поднялись на ноги и на прощание улыбнулись. После чего растворились в теплом свете огонька.

Теперь мы с отцом остались наедине. Мне хотелось ему сказать столь многое, что я никак не мог определиться с чего начать. Перебирал слова будто они могут натолкнуть на нужный лад и ничего не находил. Это злило.

Злило так сильно, что неожиданно для себя нашел силы подняться с колен. Теперь я стоял прямо. Также как отец. И также как он, понимал, это наш последний разговор. Каким-то шестым, седьмым или тридцать девятым чувством ощутил, что мы видимся последний раз на этом свете и мне нельзя отправиться вместе с ними.

– Сын – с улыбкой на губах произнес папа.

– Да пап – печально ответил я.

– Вижу ты уже понял почему не сможешь пойти с нами.

– Понял – кивнул я.

Так и было. Стоило мне только появиться здесь, как обнаружил в себе то, чего там раньше никогда не было. Маленькая черная точка в самом густом и темном уголке души. Там поселилась эмоция, которую я не испытывал при жизни никогда. Гнев.

Холодный. Страшный. И безграничный.

– Хорошо – улыбнулся отец – Это важно.

– Ты не сердись – удивился я его реакции.

– Нет, сынок – он подошел ближе и положил руку мне на плечо – Какой бы путь ты не выбрал. Знай. Я всегда буду гордиться тобой

Он сделал шаг назад и уже начал растворяться, но я не мог не сказать того, что было у меня на душе.

– Отец! – вырвался из меня крик и тот остановился. Наши взгляды пересеклись, и я действительно увидел в них гордость – Чего бы это ни стоило! Обещаю!

Слова были сказаны и гнев в душе на них радостно откликнулся.

Отец же улыбнулся и медленно кивнул. Так как он делал всегда, когда принимал мое решение по важным для меня вопросам. А после этого просто пропал. Как и огонек, что согревал своим теплом.

Впрочем, холод окружающего мира не успел сковать меня в своих объятьях. В следующее же мгновение после того, как отец исчез, меня лягнула в грудь невидимая сила и я оказался во тьме. Всего на секунду, чтобы по ее окончании оказаться на холодном полу своей палаты.

Попытался встать. Безуспешно. Руки едва слушались. Особенно левая. Посмотрел на нее и все понял.

Мои растущие, явно не из плеч руки, определенно не были пригодны для качественного самоубийства. Вокруг места укола образовался отек. И это может означать только одно из двух. Либо инфузия мимо вены. На что я насмотрелся при работе с молодыми мед. сестрами, когда те вводят препарат в

ткани, окружающие вену. Либо экстравазация. И этот вариант для меня наиболее хреновый, но и вероятно самый правдоподобный.

Ведь если бы я просто промазал мимо вены, то не отправился бы в свое посмертное путешествие по серой хмари. Следовательно, продырявил вену насквозь и таким образом в кровоток попала только часть конской дозы дексмететомидина. А теперь вопрос на засыпку. Что делать?

Первой мыслью было поискать скальпель, сделать небольшой надрез и выдавить лишнее наружу, но быстро от нее отказался. Не известно сколько я был в отключке и скорее всего препарат уже растекся. Так что дырявить себя с ничтожными шансами на успех не стал.

Вместо этого решил скинуть вину на кого-нибудь другого. Ведь капельницы мне ставили как раз в левую руку и не будет ничего удивительного, что кто-то оплошал и ввел мне немного препарата мимо вены. Такое у нас частенько случается. Да и на новую дырочку вряд ли кто-то внимание обратит. За месяц, что тут лежу, меня порядочно так истыкали.

Заполучить некроз тканей я желанием не горю, так что надо будет оповестить врача о проблеме и тогда он возможно исправит мой косяк. А то, что кому-то влетит. Жалко, конечно, но ничего смертельного.

Сейчас я уже несколько иначе смотрю на мир вокруг себя. Пусть поступаю плохо. Плевать. Старый я умер. Прямо в этой палате. Сгорел. Теперь придется учиться жить по-но-

вому.

Но для начала нужно прибратся за собой.

Сутки спустя

Никогда не думал, что скажу нечто подобное, но находится в больнице довольно скучно.

Наверное, для меня это так, потому что никогда прежде не приходилось быть здесь в качестве пациента. Обычно располагался по другую сторону баррикад и координировал мед. сестер. Зато сейчас смог полной мерой хлебнуть больничной действительности.

Скажу прямо. Не понравилось.

Просто лежишь в койке и ждешь пока твое тело справится с повреждениями. Иногда ходишь на процедуры или потеешь под бдительным присмотром физиотерапевта. Либо просто часами втыкаешь в телевизор, когда душа требует активных действий.

Впрочем, я прекрасно понимал необходимость соблюдения режима и ответственно глотал все предлагаемые пилюли. Ведь теперь у меня есть смысл для существования. Есть цель, для достижения которой придется приложить множество усилий. Так что роптать мне было не с руки.

Да. Боль никуда не ушла, и тоска по семье все еще душила. А иногда и вовсе хотелось зарыться в подушку лицом и кричать пока снова не потеряю голос. В такие моменты при-

ходилось держать себя в руках и сжимать челюсти до скрипа зубов.

Но я справлюсь. Справлюсь с любыми трудностями, чтобы отомстить.

Взять ту же проблему с дырявой веной. Её разрулил на удивление удачно. Остатки препарата, использованные ампулы и шприц спрятал во внутренностях наркозного аппарата, прикрепив их к стенке медицинским тэйпом. Благо у него сзади есть пластиковая крышка на защелках для доступа к железу и оперативного ремонта. Рано или поздно их там конечно же найдут, но к этому времени я буду уже далеко.

С отеком же справился, как и планировал. Вернулся в койку и засандалил себе в вену иглу от капельницы с питательной смесью. Ведь до недавнего времени был в режиме овоща и не мог питаться самостоятельно. Точнее не хотел. Ну а после нажал на кнопку вызова мед. сестры и бессовестно ей наябедничал, тыкая пальцем в отек.

Сама мед. сестра ничего сделать не могла и потому вызвала дежурного врача. Тот же не стал заморачиваться с разбирательством, поглазел на отек, а потом просто прикатил в палату экстрактор. Старинный и едва работающий артефакт для удаления препаратов из окружающих тканей. Хотя назвать это чудо-юдо человеческих технологий артефактом, значило сильно ему польстить.

Вот у предтеч действительно артефакты. Это же просто Франкенштейн от человеческих рукосудов. Хотя со своей за-

дачей он справился. Врач сделал небольшой разрез на локтевом сгибе и как следует пошуровал в этой ранке гибким шлангом, собирая остатки препарата.

Гарантии, что у меня спустя некоторое время не отвалится рука никто не даст, но так лучше, чем вообще никак.

На этом история моего неудавшегося суицида была завершена.

Глава 5

Весь остаток ночи и половину следующего дня провел в раздумьях относительно своего будущего. Мне нужно было определиться с планом действий. Вот только на этом этапе все упиралось в одну большую проблему.

Я должен выздороветь прежде, чем предпринимать какие-либо действия.

Поэтому сейчас все мои усилия были направлены на то, чтобы тщедушное тельце десятилетнего пацана заростило дырки от пуль и повреждения внутренних органов. Их, кстати, оказалось не так много. В нас стреляли пулями двадцать второго калибра. По сути, дозвуковая мелкашка. Соответственно, раны были менее травматичными, чем могли бы быть.

Да и стоит признать. Альберман постарался на славу и подлатал меня на уровне клиник внутреннего города. В итоге при позитивном исходе я должен буду покинуть стены родной клиники через 3-4 недели.

А вот что будет дальше, большой вопрос. И задаваться им сейчас контрпродуктивно. Только нервы себе испорчу из-за неспособности действовать. Отец всегда говорил, что теория без практики бесполезна. Как и наоборот. Однако, самым главным фактором успеха, помимо верности суждений, является отсутствие задержки между превращением теории в

практику.

Не верить ему у меня причин не было. Так что усердно давил позывы начать планировать свою месть и вместо этого сосредоточился на самоконтроле через любимую игру. Хотя назвать ее таковой можно было лишь авансом.

По большей части это просто упражнение для тонкого контроля расхода маны. Нужно лишь концентрировать энергию на кончике пальца в минимальном количестве, а после испускать во вне с разными интервалами. Чем меньше энергии ты можешь сконцентрировать, чем плотнее она будет и чем меньше будут интервалы между импульсами, тем лучше.

Без ложной скромности могу утверждать, что в этой игре я лучший. Можно сказать, у меня дар. Хотя по большей части назвать это магией или прямым влиянием на реальность нельзя.

Чтобы забавляться такими глупостями не нужно быть ни магом, ни даже примитивным мануоператором. Обычный человек без какого-либо дара или способностей, при должном усердии, тоже может научиться манипулировать столь крохотными объемами энергии. Нужно лишь, чтобы в воздухе была мана, а у человека воображение и воля.

У меня все это было. Вот и тратил часы на подобную нелепицу, лежа в больничной койке. Все равно больше заняться не чем. А так хоть какая-то польза. Во всяком случае я на это надеялся.

На деле же ни разу не слышал, чтобы такими импульсами

сырой энергии, кто-то мог сделать хоть что-то полезное. Даже самые простые «заклинания» требовали куда больше расхода условных мана единиц и волевого воздействия. В сотни раз большего.

А ведь речь идет о примитивнейших взаимодействиях с реальностью. Вроде маленького огонька или дуновения ветра. Смех и только.

Да и называть это «заклинаниями» было нельзя. Просто так все привыкли. На деле же магия являлась не такой красочной и простой, как показывают в кино и мультфильмах. Нет никаких шаблонов, цветастых пентаграмм или математических формул, чтобы получить желаемый результат. Магии не научишься сидя за учебниками или выслушивая мудрого наставника.

Чтобы использовать свой дар необходимо всего четыре вещи. Понимание своего аспекта, развитое воображение, непреклонная воля для изменения реальности вокруг себя и, конечно же, опыт. Может показаться ерундой, но на самом деле развивать дар опираясь на эти факторы очень и очень не просто.

Вот взять, например мага на стадии Искры с аспектом молнии. Звучит волнующе не правда ли? Ну кто не хочет иметь возможности шарахнуть по недругу разрядом? Думаю, таких людей практически нет. Однако, их было бы куда больше, если бы они понимали, как сложно создать даже элементарный удар током.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.